

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Каюрин

Страсть

Эротические истории

Михаил Александрович Каюрин

Страсть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31729878

SelfPub; 2022

Аннотация

Они наделены избыточной любвеобильностью. Их неуёмная страсть главенствует над моральными устоями. В погоне за блаженством они не терзаются вопросом, правильно ли поступают. Разум этих людей уходит на второй план, отдавая предпочтение желаниям жаждущего тела. Истинная и большая любовь для них – заоблачная мечта, как небесный рай для смертельно больного человека.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Соблазнение егеря	4
Баня для иностранки	32
Пьяная свадьба	56
Презент тайского гида	69
Восхитительная азиатка	80
Доктор для Джоанны	105
Укрощение рыжей шельмы	127

Михаил Каюрин

Страсть

Соблазнение егеря

В доме стояла мёртвая тишина, а всё пространство вокруг погрузилось во тьму абсолютной черноты. Время словно остановилось.

Четверть часа назад Егор и Виолетта после затянувшегося до полуночи ужина, наконец, улеглись спать. Перед этим был долгий и непримиримый спор о том, кому где ночевать.

Егор уступал гостье место в доме, сам же собирался застелить соломой пол под навесом и провести ночь на открытом воздухе.

Спор между ними возник, можно сказать, на пустом месте.

По мнению Виолетты, если под навесом будет спать Егор – значит, она поступит по отношению к нему, как хозяину жилища, весьма неуважительно. Егор же считал, что более комфортный ночлег должен быть предоставлен гостье.

– Будешь спать в доме. Таков закон человеческого гостеприимства, – заявил он в категоричной форме, опасаясь за её здоровье.

Ближе к ночи установилась отвратительная погода. Про-

ливной дождь с градом, который выплеснула из себя пришедшая с севера туча, насытил воздух влагой и сильно охладил его.

Появилось ощущение, будто неожиданно-негаданно нагрела промозглая осень. Помимо этого, излившиеся дождевые потоки насытили водой землю под навесом до предела – она сделалась сырой и источала холод.

Обоюдные доводы и веские аргументы следовали один за другим, спор затягивался, принимая жесткий характер и превращаясь в настоящую схватку двух непримиримых противников.

Нелестный диалог мог продолжаться долго, если бы вдруг на хмельной ум Виолетты не пришел, казалось бы, невысказанный ранее вариант: переночевать следует обоим в одной комнате.

– Егор, а почему бы нам не переспать вместе? Что мы, как дети, спорим по какому-то пустяку? – предложила Виолетта и замерла в ожидании.

В свете керосиновой лампы она увидела, как вздрогнуло лицо Егора и вытянулось в немом удивлении. Словно он неожиданно получил смертельный удар ножом и не мог до конца осознать случившееся. Взгляд стал неподвижным и даже испуганным.

Зависла длительная пауза, Виолетта с запозданием сообщила, почему вдруг замер её собеседник. По всей вероятности, Егор воспринял её предложение в прямом смысле –

лечь с ней в одну постель. Она тут же спохватилась, пояснила с усмешкой:

– Не пугайся, герой, я не предлагаю тебе лечь со мной в обнимку в одну постель – это будет провокация на секс. Я говорю об едином пространстве. Это к тому, что можно и в доме настелить сена, а комнату поделить на две половинки занавеской. Как это делают в густонаселённых помещениях.

Виолетта слышала шумное дыхание Егора – он с трудом переводил дух, усиленно соображал над ответом. Наконец, бросил в ответ:

– Чёрт с тобой, чумовая дама!

Он сходил во двор, принёс несколько больших охапок сена, разбросал их ровным слоем и уложил сверху длинно-полюй тулуп. Ни слова не говоря, натянул шнур от дверей до печи, навесил кусок тонкого брезента, хранившегося на крыльце.

– Коммуналка готова, – пробурчал он недовольно. – Как старший по дому, объявляю отбой.

И, не раздеваясь, в одежде, улёгся в свежеизготовленную постель.

Ни спирт, ни позднее время не могли поспособствовать наступлению быстрого сна. Егор лежал и прислушивался к своим ощущениям похотливого желания. Его сознание, вместо того, чтобы направить мысли в отвлечённом направлении, было всецело устремлено к сумасбродной журналистке.

Она была совсем рядом, его тонкий слух улавливал её ды-

хание и малейшие шорохи при подвижках тела. Словно магнитом притягивало его к ней. И ему почему-то совсем не хотелось избавляться от мыслей об этой взбалмошной женщине – но такой милой и привлекательной.

Беседуя с ней весь вечер, пристально вглядываясь в её лицо, наблюдая за мимикой и жестикующей, он всё больше и больше склонялся к тому, что Виолетта – это продувная и опасная бестия.

И вот теперь, лежа в двух метрах от неё, Егор мучился от её присутствия.

«Эту авантюристку лучше не трогать», – сделал он заключение.

Егор перевернулся на спину, тяжело вздохнул, уставившись пустыми глазами в невидимый потолок.

За семь лет одиночества в тайге Егор отвык от общения с женщинами и сейчас терзался от её присутствия.

Пошевелилась за занавеской Виолетта.

«Не спит, – отметил про себя Егор. – О чём-то размышляет. Интересно, о чём? Неужели о том, как меня соблазнить?»

Он тут же представил, как она прикасается к нему, заглядывая в лицо, нежно гладит по волосам на груди и тянется к его губам для сладостного поцелуя. Так, как это делала когда-то его жена.

При мысли о близости с Виолеттой по телу прокатилась знакомая волна возбуждения. На душе сразу стало трепетно и тревожно. Он уже знал, какие эмоции последуют дальше и

чем всё это может закончиться.

«Почему эта женщина не даёт мне покоя? – в который раз за один день задумался Егор, злясь на себя.

Егор встряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли.

«Фу, ты, чёрт! Что за ересь ползёт в голову! Отчего вдруг? Давно не пил – спирт подействовал? Или крышу сносит от присутствия соблазнительной бабы?»

Пересиливая зарождающееся возбуждение, он постарался переключить мысли на другую тему, чтобы отвлечься и успокоиться.

«Надо заставить себя уснуть – иначе мне хана», – приказал он себе, повернулся на бок и принялся вспоминать родной посёлок, родителей, соседских мальчишек. Сделав некоторые усилия над собой, он быстро добился того, что картины родных мест и знакомые лица поплыли перед ним, как в документальной ленте.

Его переворачивание с боку на бок услышала Виолетта. Ей тоже не спалось. Она вновь прокручивала в голове весь вечерний разговор с егерем, пытаясь дать оценку каждой его фразе, каждому слову. И чем дальше она углублялась в анализ беседы, тем больше убеждалась, насколько проникновенным было его повествование об окружающем мире. А каков его бархатистый голос? Его можно слушать и наслаждаться чудными переливами тонов до бесконечности! А этот неотразимый взгляд? Когда он смотрел на неё – по телу непременно пробегали мурашки. Проницательный взгляд,

волнующе-искренний, душевный, исполненный внутренне-го убеждения! К характеристике его природы и личности, без всякого сомнения, подходит любой эпитет.

«В такого красавца невозможно не влюбиться, – думала она. – Если бы об этом таёжном сокровище прознали одинокие женщины, они бы, без всякого сомнения, устремились к нему, как мотыльки к огню. Одна импозантная фигура чего стоит! А лицо? Я же видела его лицо! Я видела блеск в его глазах! Оно полно страсти ко мне, оно выражает желание насладиться мною, как желанной конфетой, причём, готов проглотить её вместе с обёрткой! Ха-ха-ха, – прыснула Виолетта самодовольно и быстро прикрыла рот ладошкой. – А я что же? Разве я не хочу познать его ближе? Разве не желаю почувствовать шарящие в темноте его сильные руки, ощутить жар разгорячённого тела и его твёрдую плоть внутри себя? Я же не бесчувственная чурка, в конце концов? И потом, когда у меня последний раз был мужчина? Пожалуй, даже и вспомнить трудно. А тут такой случай подвернулся!»

Эти слова раззадорили её страсть и подстегнули плотское желание. Она прислушалась к звукам шуршащего под Егором сена.

«Мучается, несчастненький, – подумала она с откровенной жалостью. – И думает сейчас обо мне, наверняка, как и я о нём. Не спится бедняге, когда рядом красивая молодая женщина. И хочется, и колется, и совесть не велит. Наверно, это жестоко с моей стороны – расположиться на ночлег в

одной комнате с мужиком, прожившим в одиночестве многие годы, и не подать ему никакой надежды на ночную любовь. Его понять можно. Он явно опасается проявить своё желание первым, потому что не хочет выглядеть в моих глазах грубияном и насильником». Егор принадлежит к категории мужчин-рыцарей, настоящих джентльменов. И поэтому я должна первой сделать шаг к сближению».

Виолетта медленно приподнялась, придвинулась на край постели, опустила ноги на пол. Прислушалась. Было тихо, никаких шорохов и звуков не донеслось со стороны мужской половины.

«Неужели уснул? Или прикинулся спящим, замер в ожидании моих дальнейших действий?» – задумалась она.

Посидев в нерешительности с полминуты, Виолетта упрекнула себя в трусости: «Что это со мной? Никогда не боялась мужчин, а тут вдруг сдрейфила? Ага, понятно. Всё потому, что прежде мужики хотели тебя, а тут ты сама загорелась любовью к мужчине. И к какому?! К красавцу с семилетней выдержкой! Оробела! Нет, Виалетточка, не к лицу тебе идти на попятную. Коль уж опустила свои ноженьки на пол – вперёд за счастьем!»

Её сердце учащённо билось в груди, будто она собиралась отправиться на смертельно опасное дело.

Подбодрив себя, Виолетта встала с кровати и, осторожно ступая босыми ногами, двинулась по направлению к ложу Егора.

Он всё слышал, от начала и до конца. Слышал, как она ворочалась в постели, а потом вдруг отчего-то хихикнула, прыснув в ладошку, и затихла ненадолго. Потом зашуршало отбрасываемое одеяло, и опять тишина...

Егор в напряжении смотрел невидящими глазами в сторону доносящихся звуков и ждал дальнейших действий своей нахальной гостьи. Вернее, он уже догадался о намерениях журналистки, но не мог поверить до конца в происходящее и даже ущипнул себя. Да, всё происходило на самом деле и не было сновидением.

«Что же делать? Встать и зажечь керосиновую лампу? Посмотреть презрительно в её бесстыжие глаза и демонстративно покинуть избу, пока не поздно?» – пробежала в голове спасительная мысль.

Виолетта не дала ему времени на принятие решения. В считанные секунды она очутилась рядом, опустилась перед ним на колени, прощуршав сеном. Егор не видел её, но явно чувствовал её частое и прерывистое дыхание.

– Тебе чего? – спросил он, изображая, будто спросонья, чувствуя, как загорается в нём огонь неотвратимого пожара, потушить который он будет уже не в состоянии. Предотвратить бурю в душе уже не поможет никакая методика успокоения. У него просто не остаётся на это времени.

– К тебе пришла, Егорушка, – сказала Виолетта и не узнала своего дрогнувшего голоса. – Только не говори мне, что ты спал. Я слышала, как ты ворочался, и я догадалась отчего.

– Отчего? – отозвался Егор в темноте и почувствовал, как спазм перехватил горло.

– Оттого, что ты хочешь женщину, и не просто женщину – любую, чтобы снять плотское напряжение, – а именно меня. Я знаю, что это так, сердцем чувствую, и не говори мне обратного.

Виолетта наклонилась, вытянула руку вперёд, отыскивала наощупь ладонь Егора, вложила в неё свою, горячую. Он лежал на спине, раскинув руки по сторонам.

– Чувствуешь, как я горю? Я тоже хочу тебя, и ты не можешь мне в этом отказать, не имеешь права обидеть женщину, – Виолетта опустилась рядом с Егором, её другая ладонь скользнула по его одежде и остановилась с левой стороны груди.

– О-о, как оно трепещет! – восторженно сказала она. – Оно кричит надрывно, а ты его не слышишь.

– Постой, – хрипло проговорил Егор, убирая её руку с груди. – Мне нужно спросить тебя кое о чём.

– Потом, мой хороший, потом спросишь, и я отвечу на все твои вопросы, – Виолетта обхватила его голову обеими руками, впилась горячими губами в его губы, не давая произнести больше ни слова.

Жадный поцелуй длился до тех пор, пока у неё хватило дыхания. Потом она отпрянула, с шумом захватила воздух. Трясаясь, как в лихорадке, выдохнула:

– Только не прогоняй меня, Егорушка. Я очень тебя про-

шу. Я сама не знаю, что со мной происходит, но всё нутро моё жаждет тебя. Я просто умру, если ты отвергнешь меня...

Егор почувствовал, что перестал принадлежать сам себе, как когда-то в далёкой юности, в тот незабываемый день познания своей первой женщины – зрелой и опытной, превратившись в пассивного и беспомощного человека. За него всё делала Виолетта. Она очень оперативно раздела его и водрузилась сверху, вновь прильнула к его губам с большой жадностью.

С дрожью в теле Егор ощутил, как острые набухшие соски Виолетты ткнулись ненадолго в его грудь, от женщины исходил жар.

– О, боже... – послышался её стон. – Как я хочу тебя, мой отшельник... ты сводишь меня с ума...

Её страсть в одну секунду передалась ему и почти мгновенно заполнила всё его тело. В бурном неотразимом порыве он прижал к себе Виолетту и принялся с безумным неистовством целовать в шею, в лицо, в грудь, в один миг забыв обо всём на свете...

– Егорушка, хороший мой... милый... долгожданный... – горячо шептала Виолетта. Её рука лихорадочно заскользила по его животу вниз, ухватила за напрягшуюся до предела плоть и без промедления направила себе между ног.

Он замер на мгновенье перед проникновением в дышащее жаром лоно, которого не испытывал семь лет, а потом, громко вскрикнув, с силой стиснул трепещущее тело Виолетты,

и слился с ней в одно целое...

...Опустошённые и обессиленные, они лежали, не шевелясь, и молчали, успокаивая разгорячённую кровь. Каждый думал о своём.

В голове Егора витали противоречивые чувства. Он не мог понять, что с ним происходит. Некоторое время назад внутри него всё бурлило и клокотало, будто проснувшийся вулкан, а неуправляемые чувства, как раскалённая лава, растекались по всему телу, сжигая на своём пути все преграды. И вот теперь, когда этот вулкан перестал бесноваться, а излившаяся магма больше не сжигает его протестное сознание, в голове заработал трезвый рассудок. На душе стало отчего-то тревожно и стыдливо, будто он совершил какой-то недостойный поступок, за который совсем скоро придётся расплачиваться.

Ему вдруг вспомнилось, как давным-давно, точно такие же тревожные чувства он испытывал, вкусив впервые любовные утехи поселковой развратницы. Тогда совсем аналогично, страшась будущего, он лежал рядом с женщиной и мучился от нахлынувших чувств.

Но то были события тридцатилетней давности, он был юн и неопытен, входил во взрослую жизнь, ему впервые довелось познать женщину. А что же происходит теперь? Чего он тревожится здесь, в безлюдной тайге, какого будущего страшится, когда на десятки километров нет цивилизации? Что такого, непотребного, произошло между ним и Виолеттой?

Женщина сама возжелала его, никакого насилия над её чувствами, никакого попирания женского достоинства он не совершал. Притяжение было взаимным и искромётным, нужно лишь радоваться обоюдно доставленному удовольствию.

И вдруг его осенило: эти смятенные чувства от того, что он, вероятно, влюбился в Виолетту! Да, да, именно влюбился и боится признаться в этом. Отсюда и все тревожные ожидания. Пройдёт ещё немного времени и доверительный разговор между ними неизбежно состоится.

Что он должен сказать Виолетты? Сознаться в своих чувствах? Сказать, что не видит смысла в дальнейшем одиночестве?

Егор лежал и напряжённо думал, думал, думал...

Виолетта же, наоборот, радовалась состоявшейся близости. И, если бы сейчас в оконце заглянуло раннее солнышко, и можно было взглянуть на неё со стороны, то от взгляда не ускользнул бы тихий радостный блеск в её глазах. Она счастливо улыбалась и радовалась тому, что всё произошло именно так, как она того хотела. Немногословный и загадочный Егор покорился ей, стал её мужчиной.

«Он – мой, красивый, суровый, неприступный и гордый! Мой ласковый и нежный одинокий волк! – думала восторженно Виолетта. – Я многие годы искала счастья и сейчас могу быть довольна собою: после длительных поисков я его отыскала! Все прежние мужики – невзрачные песчинки, по сравнению с этим золотым самородком. Ни с одним из них я

не испытывала такого наслаждения, которое испытала с ним. Не мужчина – а ураган!»

Её богатое журналистское воображение уже рисовало ей обворожительное будущее.

Виолетта преданно прильнула всем телом к Егору и принялась его ласкать, нежно проводя ладонью по плечу, шее, груди, потом поцеловала в щёку.

– Я знаю, о чём ты сейчас думаешь, – прошептала она.

– И о чём? – моментально спросил Егор, словно только и ждал этого вопроса.

– О дальнейших отношениях между нами, о том, как поступить со мной дальше. Выгнать вшаей или крепко подружиться. Я угадала?

Егор хотел подтвердить, что это действительно так, но почему-то промолчал.

– Именно такие мысли и кружатся в твоей голове, – с уверенностью произнесла Виолетта. – Можешь не отвечать.

И вновь наступила длительная пауза, затем она снова заговорила первой всё тем же тихим голосом:

– Ты, Егорушка, не переживай и не мучайся напрасно. Я перед тобой в неоплатном долгу – ты спас меня от гибели и можешь расценивать эту ночь мизерной благодарностью за мою спасённую жизнь. На большее я не претендую, хотя была бы не против к дальнейшему развитию наших отношений.

– О чём ты говоришь? – прервал её Егор. – Какая может быть благодарность? Мне почему-то показалось, что это был

искренний порыв чувств, а, получается, это всего лишь плата натурой?

– Ты не ошибся о моей искренности, – Виолетта запустила ладонь в густую растительность на груди Егора, принялась медленно тереть волосы пальцами. – Это был порыв души. Можно сказать, зов моего сердца. Неужели ты за дни нашего знакомства так и не понял, что я не равнодушна к тебе и млею при каждой встрече с тобой? Моя грубость – это напускное, защитная реакция, что ли... Я простая одинокая баба, которая мечтает найти спутника жизни и создать семью... А в тебе, Егорушка, я разглядела того самого мужчину, в котором нуждаюсь. Ты – уникал, я втюрилась в тебя с первого взгляда.

– Что... что ты сказала? – не поверил Егор словам журналистки. Он резко повернулся к ней и в кромешной темноте схватил её за плечо. – Повтори!

– Я думала, у тебя со слухом полный порядок, – съязвила Виолетта. – Оказывается, лишь один твой орган сохранил феноменальные способности. – Она положила руку на его мужское достоинство и восторженно произнесла: – Ого-го, какой молодец! Как часовой на посту. Не дремлет и в полной готовности ждёт дальнейших распоряжений. А ну, мой неутомимый труженик, иди к своей кисе, она уже ждалась тебя!

– Ах, ты бесстыдница! – проговорил Егор и в одно мгновение подмял Виолетту под себя. – Я сейчас откушу твой из-

вращённый язык, бессовестная женщина! Ты у меня запро-
сишь прощения за свои скверные слова!

– Ты волен поступить со мной так, как тебе хочется, –
прошептала Виолетта в сладкой истоме, – милый мой егерь,
добрый лесной волшебник. Прежде чем я приму страшную
казнь от тебя, ты должен исполнить моё последнее жела-
ние...

Страстные объятия и ненасытные поцелуи длились ещё
очень долго, и лишь когда робкий призрачный свет закрал-
ся в дом, они, наконец, угомонились и, сплетясь в тугой лю-
бовный узел, который невозможно было развязать, заснули
крепким беспробудным сном...

***

Безмятежная идиллия длилась несколько дней. Боль в но-
ге у Виолетты прошла уже через день после случившегося
урагана, когда её унесло вместе с палаткой, и она свободно
могла передвигаться.

Каждый день, позавтракав, они покидали дом и гуляли
беспечно по берегу, купались в реке нагишом, ворковали и
целовались, как голубь с голубкой, лежали на горячей гальке,
подставив обнажённые тела ласковым лучам солнца. У них
шло медовое время.

До приезда второго егеря оставался один день, удержи-
ваться на кордоне Виолетта не могла. О предстоящей разлу-
ке с ней Егору не хотелось не говорить и не думать, однако,

мысль о ней уже неотступно крутилась в голове. За ушедшие дни было сказано друг другу многое, но не всё. Главный, окончательный разговор был ещё впереди. Оба они, зная о его неизбежности, готовились к нему, скрывая друг от друга свои мысли.

Утром последнего дня Егор предложил прогуляться до того места, куда приходила на водопой медведица с медвежатами.

– Помнится, я обещал тебе показать медвежат, – сказал он. – Так вот, сегодня самое подходящее время для такой прогулки.

– Почему именно сегодня? – спросила Виолетта.

– Потому что день выдался облачным и валяться на холодных камнях не имеет смысла. А главное – я твёрдо уверен, что ноженьки твои здоровы, и, в случае чего, ты сможешь бежать от медведицы со мной наперегонки, – расплылся в улыбке Егор.

– А вот язвить и ёрничать нехорошо, – отозвалась Виолетта и, подойдя к Егору, повисла у него на шее. – Разве тебе неизвестно о вежливой манере общения с дамой?

– Кто бы говорил о вежливости? – отпарировал Егор. – Мой безобидный сленг близко не сравнится с ядовитыми выражениями некоторой особы, которая в данный момент висит у меня на шее.

– Неужели?

– В самом деле!

– Спасибо за критику, – сказала Виолетта. – Буду сдержанна в дальнейшем. Веди меня к своей медведице.

До пологого спуска к реке, по которому медведица водила своих малышей к реке, было не больше полукилометра. Путь занял совсем немного времени. Егор выбрал скрытое место для наблюдения, они прилегли на траву, затаились и стали ждать.

– А вдруг они сегодня не придут? – поинтересовалась Виолетта. – Что, если ушлая мамаша учуяла нас и решила поменять место обитания?

– Всё возможно, – согласился Егор. – У зверей свои тараканы в голове.

– И сколько времени нам предстоит выждать?

– Ты куда-то опаздываешь? – улыбнулся Егор. – Лежи, глотай чистый кислород и наслаждайся природой. Это твой последний день общения с ней. Потом тебя вновь будет окружать городской шум с выхлопными газами.

– К великому сожалению, это так. Всё хорошее в жизни всегда быстро заканчивается, – с грустью проговорила Виолетта. – Завтра придет твой коллега и моей чудесной сказочке наступит конец.

– Ты всерьёз полагаешь, что побывала в сказке? – спросил Егор.

– Да, побывала.

– Несмотря на то, что чуть было не погибла?

– И что? – с небрежностью пожала плечами Виолетта –

Таков сюжет моего волшебного путешествия. А чуть-чуть не считается. Во многих сказках положительный герой проходит через тяжёлые испытания.

– И, как правило, остаётся живым и невредимым, – весело подхватил Егор. – Добро побеждает зло, а сказочная история заканчивается счастливым концом поучительного характера.

– Совершенно верно, – согласилась Виолетта. – На то она и сказка. Её достоинство в том, что она имеет определённый сакральный смысл, который направляет человека на путь духовного искания, отрывает внутренний рост, – многозначительно закончила она.

– А тебя чему научила таёжная сказка? – усмехнувшись, с долей скептицизма любопытствовал Егор. – Она тебя тоже в чём-то возвысила?

– О-о, эта сказка – большое испытание для меня! – восторженно отозвалась Виолетта. – Здесь я увидела себя будто со стороны. Мой эгоизм, гордыня и самонадеянность теперь навсегда ушли в прошлое.

– Да неужели? – изобразив удивление на лице, любопытствовал Егор.

– Да. Мне кажется, я прошла испытание на умение отличать правду от лжи, стала смотреть на мир совершенно другими глазами. Он перестал быть серым и невзрачным, теперь я вижу в нём лишь яркие и сочные краски! И всё это благодаря встрече с тобой, Егорушка.

– Удивительная ты женщина, – сказал Егор. – Умна, проныцательна, начитана, красива – но почему не замужем?

– О-о, наконец-то, я услышала от тебя этот вопрос, – улыбнулась Виолетта. – Давно ждала его.

– И каков будет ответ?

– Причина в моём характере, – ответила Виолетта, не задумываясь.

– Неужели он настолько скверный, что не нашелся ни один мужчина, который смог бы его стерпеть или сломать?

– Я всегда делаю так, как мне нравится. Делаю то, что мне нравится, и никогда не ставлю под сомнение свою правоту, – пояснила Виолетта. – Ты и сам смог убедиться, что я двигаюсь к поставленной цели, сметая все преграды на пути. Я всегда желаю только «самого-самого». Кому это может понравиться?

– Никому, это верно, – согласился Егор. – Но есть немало женщин, которые ради создания семьи, меняли строптивый характер, укрощали свои непомерные запросы, искореняли пагубные привычки. Ты не пробовала измениться?

– Нет.

– Почему?

– Потому что, вероятно, не встретила на своём пути того, ради которого могла бы это сделать, – Виолетта повернулась к Егору, заглянула в его глаза. – Разве что ради тебя попробовать? Вдруг получится?

Егор не успел ответить, совсем неподалёку послышался

негромкий рычащий звук.

– Тс-с, – приложил он палец к губам. – Кажется, идут.

Первой на берегу появилась медведица. За ней, на удалении нескольких метров, бежали трое медвежат. Двое бежали в паре, будто соревнуясь между собой, за ними, семеня, двигался ещё один. Он почему-то выглядел чуть меньше своих собратьев и держался от них особнячком.

Медведица подошла к кромке воды, вытянула морду вперед, повела ею из стороны в сторону, приняхиваясь. Потом медленно двинулась вдоль берега, периодически поглядывая внимательно на водную поверхность. Не прошло и минуты, как она совсем неожиданно ринулась в реку. Три стремительных прыжка, мгновенное погружение под воду и в считанные секунды в её пасти появилась крупная рыба. Трепыхаясь в зубах хищницы, она сверкала серебристой чешуёй.

Уже не торопясь, важной походкой медведица вышла на берег и выбросила изо рта добычу перед собой. Рыбина была ещё жива и пару раз встрепенулась на гальке. По внешнему виду Егор определил, что это был старый крупный язь.

Медвежата насторожённо подошли к рыбе, ткнулись в неё мордочками. Язь опять изогнулся и ударил хвостом по мордочке медвежонка. Медвежата испуганно отскочили, не решаясь подходить вновь. Медведица придавила рыбину обеими лапами и ловко сдернула зубами кожу. Медвежата вновь ткнулись мордочками в оголённую тушку язя и ото-

шли в сторону, потеряв к ней всякий интерес.

– Они не умеют ещё есть самостоятельно? – спросила шёпотом Виолетта.

– По всей вероятности, – ответил Егор.

Медведица приступила к поеданию добычи, отдирая от тушки небольшие куски. Медвежата в это время играли и забавлялись.

Когда один из них сел, а затем откинулся на спину, разбросав лапы по сторонам, Виолетта, не удержавшись, воскликнула:

– Смотри, совсем как невинные детки у людей!

– Ты чего кричишь? – одёрнул её Егор. – Здесь не зоопарк, восторгайся молча.

Виолетта испуганно закрыла рот руками, и с виноватым видом посмотрела на Егора.

Медведица тем временем доела добычу, стряхнула с шерсти остатки воды, передёрнув мокрой шкурой, и повела малышей обратно в лес.

– Какие они милые и забавные, – с умилением произнесла Виолетта. – Совсем несмышлёные и беззаботные. По-моему, среди них двое мальчиков и одна девочка.

– Как тебе такое пришло в голову? – развеселился Егор от предположений Виолетты.

– Так двое же из них покрупнее и держатся вместе, а один – поменьше и одиночка. Мне кажется, эта та самая девочка, которая потерялась недавно?

– Вот кто у нас наивная девочка – так это ты, – покровительственным тоном произнёс Егор. – Не будь меня рядом – пошла бы, наверно, обниматься с медвежатами.

– У меня такое восторженное состояние, что я сейчас готова обнять весь мир, – счастливым голосом произнесла Виолетта и посмотрела завораживающим взглядом на Егора. – Здесь я впервые соприкоснулась с его многообразием и величием. И это чудо сотворил ты.

– Чудо сотворил не я, а природа. Я лишь поспособствовал увидеть его, – пробурчал Егор.

– Спасибо тебе за это, – с благодарностью отозвалась Виолетта. – Раньше я и предположить не могла, какое это счастье – лесная свобода.

– Каждый понимает счастье по-своему, – сказал Егор. – Кто-то не может и дня прожить без каскада городских огней, а кого-то из тайги и силой не вытянуть, чтобы полюбоваться этим каскадом.

– Счастье может быть длительным, а может и мимолётным. Знаешь, в чём заключается счастье для меня в данный момент? – спросила Виолетта, озорно сверкнув глазами, приоткрыв в них на мгновение омут таинственности.

– В чём?

– В том, что мы с тобой сейчас одни в этой бескрайней тайге и можем вытворять всё, что взбредёт в шальную голову. И никто не увидит и не осудит нас за непристойные чудачества, – Виолетта шагнула к Егору, прикоснулась ладонью к

его щеке, провела пальцем по краю губ. Заглянув с очаровательной таинственностью ему в глаза, прильнула всем телом.

– Что ты удумала, бесстыдница? – с улыбкой спросил Егор, уже догадываясь о намерениях журналистки.

– Бесстыдница хочет бесстыдства, – прошептала Виолетта томным голосом. – Прямо здесь, на поляне, на зелёной травушке-муравушке...

Страстный шёпот женщины в считанные секунды ускорил биение сердца Егора, он почувствовал в себе зарождающийся вихрь нерастраченных сладостных эмоций.

Виолетта прильнула к его губам своими – горячими, трепещущими, принялась снимать с него одежду.

– Егорушка, милый мой, чудный... я хочу тебя... я уже успела истосковаться по тебе... – шептали её губы между неистовыми поцелуями.

– Что ты со мной творишь, бестия моя ласковая? – тихо отозвался Егор. – Я же рассудок теряю от твоих поцелуев...

Его руки торопливо отыскали замок на молнии куртки, рванули его вниз до конца. Полы, словно крылья птицы, собравшейся взлететь, разошлись по сторонам; он ловким движением ухватился сперва за одну сторону, потом за другую, высвободив руки, и в одно мгновение куртка Виолетты очутилась на земле. В след за ней в считанные секунды слетели брюки.

Когда с одеждой было покончено, оба они, полностью обнажённые, опустились на колени друг перед другом и вновь

слились в жадном затяжном поцелуе.

– Безумная и ненасытная женщина, – судорожно глотнув воздуха, проговорил Егор и, не выпуская Виолетту из объятий, с необычайной осторожностью уложил на траву. – Колдунья ты моя, подарок мой небесный...

...В пылу любовной страсти они не услышали тревожных звуков, доносящихся из леса, и не заметили приближающуюся опасность. Глухое урчание медведицы застало их врасплох на пике вожделения.

– Егор, что это? – замерев на секунду, встрепенулась Виолетта и с опаской выглянула из-под разгорячённого тела Егора.

– А? Что? – тяжело дыша, переспросил тот, не прекращая ритмичных движений. – Ты о чём-то спросила?

– Ты разве не слышал?

– Ты о чём?

– В лесу кто-то есть!

– Глупости, тебе показалось, – чувствуя приближение разрядки и не желая останавливаться до наступления эмоционального взрыва, торопливо выпалил Егор. – Здесь есть только ты и я, моя сладкая...

И тут вновь раздалось утробное рычание медведицы, а на краю поляны появились двое медвежат. Третий, предположительно, оставался в лесу с матерью. Это была та же медвежья семья, за которой они наблюдали ещё совсем недавно. По всей вероятности, поляна являлась одним из излюблен-

ных мест развлечения и отдыха медвежат.

– Егор, смотри... – со страхом прошептала Виолетта. – Они идут на нас...

Егор, наконец, выпустил из объятий испуганную Виолетту и повернул голову в сторону леса. Два любознательных медвежонка с нескрываемым интересом медленно двигались в их сторону. Когда Егор приподнял голову, они остановились, насторожённо встали на задние лапы, повели носом, прокачивая воздух через ноздри.

За семь лет проживания в тайге Егор хорошо изучил все повадки медведицы с медвежатами. По интонации издаваемых ею звуков он мог безошибочно определить её настроение. Если слышалось утробное рычание – значит хищница находилась в состоянии полного удовлетворения. Когда раздавались низкие отрывистые звуки «у-ум» – следовало опасаться, медведица была чем-то недовольна.

В основном, хищница вела себя миролюбиво, кроме прямого контакта медвежат с человеком. В этом случае в ней срабатывает материнский инстинкт защиты своих детёнышей, медведица становится агрессивной и может порвать человека на куски.

Услышав умиротворённое ворчание и причмокивание, Егор понял, что мамаша подзывает своих детёнышей к себе и пока не подозревает о близком присутствии людей.

«Нужно не допустить приближения к себе медвежат, – мгновенно мелькнуло в голове Егора. – Иначе объявится

медведица и набросится на нас».

Он схватил куртку Виолетты и, крутнув ею в воздухе пару раз, швырнул в сторону непрошенных гостей, сопроводив бросок оглушительным свистом.

Медвежата вздрогнули от испуга, тут же развернулись и в мгновение ока исчезли в молодой поросли пихтача.

По шевелящимся вершинкам кустов было хорошо видно, как стремительно улепётывают перепуганные несмышлёныши. Затем раздалось недовольное рычание медведицы, а над кустами взлетел трухлявый пенёк и упал неподалёку от брошенной куртки.

– Егор, мне страшно, – дрогнувшим голосом прошептала Виолетта, в её глазах стоял ужас.

– Не бойся, моя хорошая, всё уже позади, – успокоил её Егор. – Больше она нас не потревожит.

– Правда? – с надеждой и преданностью в глазах спросила Виолетта.

– Правда, я тебе обещаю, – широко улыбнувшись, проговорил Егор и навалился всем телом на женщину.

– Егор, ты чего?

– Не привык останавливаться на полпути, – смеясь, заявил Егор. – Я всегда довожу до конца любое начатое дело.

– А ты маньяк, однако, – смеясь, сказала Виолетта, не пытаясь вырваться из крепких объятий Егора.

– Да, я маньяк, но ласковый и нежный по отношению к своей жертве, – Егор с жадностью прильнул к губам Виолет-

ты и ещё сильнее стиснул её в своих объятиях.

Совсем скоро женщина издала сладостный стон...

***

Утро расставания было ясным и красочным. Солнце ещё не успело выкатиться из-за верхушек деревьев в полную величину диска, а его пронырливые нетерпеливые лучи уже блуждали по берегу.

Оставшийся после ночи туман стелился в прибрежных лугах, сверкая призрачной позолотой.

– Какая красота! – с тихим восхищением проговорила Виолетта, остановившись у лодки, в которой колдовал вызванный Егором спасатель.

– Ты посмотри на другую сторону, – подсказал Егор.

Виолетта перевела взгляд на противоположный берег и увидела могучего лося, явившегося на водопой. Он стоял в воде – величественный и гордый. Убедившись в безопасности, погрузил морду в воду и стал пить. В тот момент, когда он поднимал голову, Виолетта увидела два ручейка, стекающих с его широких рогов. В лучах солнца эти два маленьких водопада виделись как две золотых россыпи, стекающих в реку.

– Настоящая сказка, – так же тихо произнесла Виолетта.

– Сказка – сказкой, а вам, госпожа журналистка, следует занять своё место в лодке, – распорядился недовольный спасатель. – У меня нет времени на любование природой.

Егор и Виолетта стояли друг против друга. Журналистка

первой протянула руку, сказала:

– До свидания, Егор. Спасибо тебе за всё.

Егор задержал её руку в своей и неотрывно смотрел в лицо, словно собирался навсегда запомнить каждую чёрточку на нём. Взгляд его глаз был тёплым и ласковым.

– До свидания, Виолетта, – проговорил он негромко, и Виолетте показалось, что его бархатистый голос слегка дрогнул и прозвучал чуть мягче, чем обычно.

Ей вдруг до боли захотелось броситься к нему, крепко поцеловать в губы, а потом просто прижаться к груди ставшего близким для неё человека. Прижаться и затихнуть на время, слушая ритмичные удары его щедрого сердца.

Усилием воли она сдержала себя.

– Дай бог, увидимся ещё, – с притворной улыбкой сказала Виолетта и почувствовала спазм в горле. С трудом сдерживая слёзы, повернулась и шагнула к лодке.

Через минуту взвыл мотор, разбудив спящую тайгу неожиданным рёвом. Лось, вышедший к этому времени из воды и наблюдавший за людьми уже с берега, вздрогнул всем телом, и испуганно рванул в лес.

Лодка в считанные секунды выскочила на стремнину и с большой скоростью понеслась вниз по течению.

Егор проводил её неотрывным взглядом до поворота, а когда серебристое судёнышко скрылось за стеной деревьев, побрёл назад...

Баня для иностранки

Стоял конец сентября, погода после бабьего лета сделалась дождливой и холодной. Алексей Стародубцев доживал на даче последнюю неделю отпуска и собирался переезжать в город. Соседи съехали ещё в середине месяца, и Алексей прозябал в полном одиночестве.

Прелести лета исчезли буквально за несколько дней. Днём было ещё сравнительно тепло, а ближе к вечеру становилось по-осеннему холодно.

Баня, построенная им собственноручно несколько лет назад, стала моральной отдушиной в эти промозглые дни. Добротная, с большим предбанником, увешанным с обеих сторон берёзовыми и пихтовыми вениками, она неудержимо манила Алексея по вечерам в своё нутро, чтобы предать его тело жарким объятиям парилки.

С утра Алексей помыл полы, почистил полок, накачал в бак воды, а во второй половине дня затопил печь. Проходя по участку, он вдруг услышал чей-то отчаянный крик. Несомненно, это был женский голос и раздавался он с противоположной стороны небольшой речки, протекающей неподалёку от его дома.

– Ау! Люди! Есть кто-нибудь поблизости!? – услышал Алексей. – Отзовитесь! Мне нужна ваша помощь! Ау!

Участок его дачи был огорожен двухметровым металли-

ческим забором, и поэтому разглядеть вопиющего о помощи человека не представлялось возможным.

Не раздумывая, Алексей вышел из ворот и отправился на крик. Обогнув забор, он увидел на противоположном берегу реки женщину. Она была в лёгком спортивном костюме. Увидев его, незнакомка отчаянно замахала руками, призывая подойти ближе.

Алексей спустился к воде, их разделяли пара десятков метров.

– Что случилось? – спросил он, внимательно разглядывая женщину. Её белый спортивный костюм с малиновой полосой по бокам был изрядно вымазан грязью, а былой красоты белые кроссовки с налипшей на них глиной напоминали большие уродливые калоши. Лицо женщины выражало отчаяние.

– Слава богу, что вы услышали меня, – с облегчением проговорила незнакомка. – Я уж подумала, что мне придётся коротать предстоящую ночь в полном одиночестве.

– Так что же, всё-таки, с вами случилось? – повторил Алексей свой вопрос.

– Моя машина увязла в грязи и легла на брюхо, – сообщила женщина. – Мне нужна помощь, чтобы выбраться на дорогу. Одной мне не справиться.

– Как это угораздило вас забраться в бездорожье?

– Я разыскиваю Николая Фёдорова. Он бизнесмен, его дача должна быть где-то неподалёку, – скороговоркой ответи-

ла страдальца.

Алексею показалось, что женщина говорит с заметным акцентом.

«Неужто иностранка пожаловала в нашу тмутаракань? – подумалось ему. – Зачем ей понадобился этот проходимец?»

– Николай Фёдоров – мой сосед, – сказал Алексей. – Только в данный момент его нет на участке.

– А где он?

– Убыл в неизвестном направлении, – бодрым голосом сообщил Алексей.

– Как – убыл? – спросила незнакомка растерянно.

– Очень просто. Месяц назад у него сгорел дом, и ваш знакомый в одночасье стал бездомным. А в такую погоду, как вы понимаете, жить в сарае некомфортно, – разочаровал Алексей великомученицу своим известием.

Женщина застыла в замешательстве, открыв рот, и была не в состоянии что-либо произнести в ответ. По всей вероятности, ответ Алексея был для неё шокирующим. После некоторой пробуксовки мыслей, незнакомка спросила обречённым голосом:

– И что мне теперь делать?

– Перво-наперво, взять себя в руки и не паниковать, – весело проговорил Алексей, заранее зная, что в самое ближайшее время ему предстоит изрядно потрудиться.

– Вы ведь не оставите меня здесь одну? – с надеждой заинтересовалась неудачница. В её глазах стояла мольба о по-

мощи.

– Стойте там и никуда не уходите, – приказал Алексей и отправился за надувной лодкой. – Я скоро вернусь.

– Спасибо. Я буду вас ждать, сколько потребуется. Только вы обязательно возвращайтесь, – умоляюще проговорила женщина, опасаясь, вероятно, что Алексей может уйти безвозвратно.

Стародубцев накачал свою рыбацкую лодку, спустил её на воду, бросил на днище лопату и топор и вскоре был на противоположном берегу.

Глаза женщины цвета фиалки радостно светились. Обратив внимание на её лицо и причёску, Алексей неожиданно для себя пришёл к выводу, что незнакомка чертовски похожа на королеву Голливуда Элизабет Тейлор.

«Красавица с удивительным и редким цветом глаз, – отметил он про себя. – Правда, её волосы, пожалуй, несколько длиннее, чем у голливудской звезды».

– Ведите к своей машине, – проговорил он требовательным голосом.

– Да, да, конечно, – заторопилась незнакомка и скорым шагом пошла к машине. Алексей последовал за ней.

Вскоре перед его глазами предстал красный фольксваген, глубоко увязший в болотистом грунте. Лесная дорога, по которой прибыла незнакомка, была накатана трактором местного фермера и имела глубокие колеи.

– Да-а, дела-а, – протянул Алексей, поражаясь действиям

незнакомки. – Как вам взбрело в голову отправиться по раскисшей колее?

– Я была уверена, что это дорога приведёт к дачному посёлку, – ответила женщина.

– Вы рано свернули с трассы, поворот к дачному посёлку после моста через реку, – пояснил Алексей.

На трассу они выбрались лишь через пару часов – на обратном пути пришлось несколько раз продолжительно буксовать.

Алексей загнал машину во двор, решив привести её в надлежащий вид позднее. Его первой задачей было согреть двойника Элизабет Тейлор – женщина до нитки промокла под дождём и замёрзла.

– Проходите в дом, – пригласил он незнакомку в свои «хоромы». – Вам нужно переодеться в сухую одежду и согреться.

– Ради бога простите меня за хлопоты, которые я вам причинила, – дрожащим голосом проговорила его гостья, снимая на крыльце обезображенные кроссовки.

Они вошли в дом, Алексей извлёк из шкафа свой махровый халат и положил на табуретку перед гостьей.

– Переодевайтесь, – сказал он и вышел из комнаты.

Пока он дожидался, когда незнакомка переоденется, ему в голову пришла мысль отправить её в баню попариться. Алексей видел её посиневшие губы и случайно коснулся посиневших рук – они были холодны, как ледышки. Женщина впол-

не могла простудиться и заболеть. Он не сомневался – парная радость души и тела доставит незнакомке несказанное удовольствие. А для экстренной профилактики решил разогреть несчастную изнутри порцией коньяка.

– Я могу войти? – спросил он через дверь, держа в руке початую бутылку коньяка и две старинных рюмки, доставшихся ему от родителей, в одной руке и блюде с нарезанными дольками лимона в другой.

– Да, я уже переоделась, – послышался повеселевший голос в ответ.

Алексей вошёл в комнату, его гостья стояла перед трюмо и завязывала пояс на талии. Пола безразмерного мужского халата на хрупкой фигуре женщины была запахнута до спины, а нижний край её волочился по паласу.

От увиденного он невольно рассмеялся.

– Вы великолепно смотрите, – сказал Алексей, ставя бутылку и рюмки на журнальный столик.

– Правда? – спросила незнакомка, улыбнувшись в ответ, и крутнулась перед зеркалом, оценивая себя со стороны.

– Без всякого преувеличения, – подтвердил Алексей, забирая мокрую одежду женщины, чтобы вывесить её перед недавно истопленной печью.

– Простите, как ваше имя? – спросила путешественница, сверкнув фиалковыми глазами.

– Алексей, можно просто – Лёша, – ответил он, слегка склонив голову в рыцарском поклоне.

– А меня – Бетуль, – не замедлила представиться гостья.

– О-о, какое прекрасное благозвучное имя! – воскликнул Алексей. – И что оно означает?

– Девственница, целомудренная, – без запинки сообщила обладательница загадочного имени. – Папа сказал, что это одно из самых красивых имен турецких женщин.

– И оно соответствует действительности? – любопытствовал он, не удержавшись от провокационного вопроса.

Турчанка немного смутилась, потом, пристально заглянув ему в глаза, с вызовом спросила:

– Вы хотите проверить?

Теперь смутился Алексей.

– Извините за неудачную шутку, – виноватым голосом произнёс он, поразившись дерзкому ответу своей гостьи.

– Ничего, бывает, – улыбнулась Бетуль. – У мужчин язык без костей – им всегда хочется поглумиться над беззащитной и безответной женщиной.

Алексею вновь захотелось поддеть турчанку ещё одним глумливым вопросом насчёт беззащитной и безответной женщины, но он решил не задираться.

– Предлагаю пропустить по рюмочке для сугрева, – сказал Алексей, приглашая турчанку к столику.

– Вообще-то, я не пью, – заявила гостья, усаживаясь в кресло напротив него.

– Я тоже, – поспешно заверил Алексей и потянулся к бутылке. – Но иногда это делать очень даже необходимо.

– И когда же такая необходимость наступает? – усмехнувшись, полюбопытствовала Бетуль.

– О-о, такая необходимость многогранна, – провозгласил он. – Иногда она выражается целесообразностью, иногда неизбежностью. Но чаще всего – важностью события и потребностью души.

– А сейчас?

– А сейчас мы обязаны пропустить по рюмочке для сугрева, знакомства, и смелости в общении, – прокомментировал Алексей, поставив наполненную рюмку перед своей гостьей. – Будем здоровы, как принято у нас говорить.

Бетуль пронзительно посмотрела хозяину дома в глаза, затем неторопливо поднесла свою рюмку к губам, понюхала, а затем медленно выщедила содержимое, даже не поморщившись.

Алексей подождал, когда Бетуль поставила рюмку на столик, и лишь потом опрокинул залпом свою.

Дожевав дольку лимона, спросил:

– Вы любите баню?

– Вы имеете в виду турецкий хамам? – Бетуль вопросительно уставилась на Алексея.

– Нет, я имею в виду русскую баню с веником, – пояснил он. – Вам сейчас самый раз пропариться, чтобы не заболеть.

– О-о, это было бы совсем неплохо, – неуверенным голосом проговорила гостья. – Только... только я никогда не посещала это русское заведение и знаю о нём лишь то, что там

от жары можно упасть в обморок.

– Это неважно, что вам не приходилось посещать парилку, – с уверенностью сказал Алексей. – С тонкостями русской бани вы можете ознакомиться как-нибудь на досуге. Сейчас главное – пропарить ваше озябшее тело. А насчёт обморока – глупые страшилки, и не более того.

– Но...

– Никаких – «но», – заявил Алексей. – Идите за мной, и я покажу вам, что и как нужно делать. Как говорится, языком и лаптя не сплести, а от звонкого пения можно только охрипнуть. Сюрприз готов и ждёт вас.

Волевым движением он взял Бетуль за руку, как провинившуюся школьницу, и повёл в «заведение по-русски».

Бетуль не стала сопротивляться и пошла за ним.

– Вы ведёте меня, как на экзекуцию, – обронила она по пути, рассмеявшись.

– Вы почти угадали, – поддакнул Алексей. – Настоящая русская баня – это не турецкий хамам. Экзекуция в ней – неотъемлемый ритуал и его вы проведёте самостоятельно.

– Я должна истязать сама себя?! – ужаснулась Бетуль и попыталась высвободить руку. – Я никогда в жизни не посещала такое заведение! Не пойду, не справится мне!

– Не паникуй раньше времени, всё у тебя получится, – успокоил Алексей гостью, неожиданно перейдя на «ты». – Я обучу тебя всем премудростям в одно мгновение и буду рядом, если вдруг понадобится моя помощь. Ты быстро осво-

ишь эту нехитрую науку.

Миновав предбанник, он распахнул перед турчанкой дверь парной. Изнутри пахнуло жаром.

– Ой, мамочки, какое пекло! – испуганно вскрикнула Бетуль и отпрянула назад.

– Проходи, не бойся, – успокоил Алексей женщину и подтолкнул её вперёд. – Смотри и запоминай. Вот эта бочка, что слева, с горячей водой, рядом с ней – холодная. На приступке, в кадке, запарен веник. Когда зайдёшь – поднимайся на полок, хорошенько разогрейся. Потом возьмёшь вот этот ковш, зачерпнёшь немного горячей воды и плеснёшь на камни. Не забудь отойти в сторону – иначе ошпаришься. Как только пар уйдёт к потолку – бери веник и вперёд, наверх, хлещи себя, сколько захочется. Всё просто. Передышка между экзекуциями – в предбаннике, мыло, мочалка здесь же. Мыть собственное тело, надеюсь, тебя учить не надо. Действуй, я буду рядом.

– У меня не получится, – растерянно проговорила Бетуль и умоляюще посмотрела на Алексея. – Может быть, ты...поможешь...мне? – выдавила она из себя едва слышно, одними губами, и густо покраснела. Последние два слова были произнесены с полной обречённостью, в них угадывалась не только мольба о помощи, но и что-то более значимое, не высказанное, которое обжигающей молнией поразило Алексея. Их взгляды встретились. Многообещающий взгляд Бетуль и его – поедающий смуглянку целиком.

Сердце Алексея одновременно сжалось в комок, а потом ухнуло в висках раскатистым громом. Он давно не имел женщин и мужской организм отреагировал на недвусмысленное предложение турчанки весьма бурно. Бешено заметалась по телу кровь, вздувая жилы и туманя его рассудок. Он, не задумываясь о последствиях, решительно шагнул к Бетуль и в каком-то необъяснимом шальном порыве стиснул её в своих объятиях. Её роскошные волосы выбились из заколки и рассыпались по лицу. Неуклюжими движениями Алексей раздвигал их в стороны, осыпая жадными поцелуями щёки, губы, шею. Внезапная страсть опьянила рассудок, мозг отказывался укрощать взбунтовавшуюся плоть. Его руки торопливо заскользили по халату женщины, лихорадочно отыскивая узелок пояска. Всё происходило, как в полусне. Он быстро справился с непокорным узелком, полы халата разошлись, и его ладони почувствовали, как трепещет тело Бетуль. От прикосновения к смуглой коже Алексей завелся ещё сильнее. Его горячие ладони на миг замерли на обнажённой груди, потом опустились на бёдра и, не задерживаясь, плавно сомкнулись между ног. По телу тотчас прошла горячая волна сладкой истомы. Алексей взял Бетуль на руки, обдав её плечо жарким дыханием, и перенёс на самодельную тахту. Глаза женщины были закрыты, она улыбалась и несвязно шептала:

– Цыганка не ошиблась... Боже... как точно она предсказала, что я стану женщиной в объятиях русского мужчины по имени Алексей... Это невероятно, но это так... её пред-

сказание сбывается... ты мой первый мужчина, Лёша...

Смысл сказанного не сразу дошёл до сознания Алексея. Он задыхался от нетерпения предстоящей близости и спешно освобождался от своей одежды. Его грудь вздымалась тяжело и часто, будто вместо лёгких у него работали изношенные кузнечные меха. Алексей медленно склонился над желанной турчанкой, подаренной ему судьбой, и впился своими губами в трепетные губы Бетуль.

Их поцелуй был долгим, Алексей ощущал, как с каждой секундой волна наслаждения растекается по всему телу. Прижавшись к целомудренной девушке, он почувствовал, как набухли её груди и отвердели соски. Его пальцы начали нежно ласкать их – Бетуль задышала чаще. Алексей обрушил на неё дождь поцелуев, прикасаясь губами лица, шеи, плеч, опускаясь к девичьей груди.

– Я хочу тебя, – проговорил Алексей тихо и не узнал своего голоса – он дрожал.

– И я тебя, – томно прошептала смуглянка, находясь во власти страстного желая последовать предсказаниям неизвестной цыганки.

Алексей никогда в жизни не встречал непорочных красавиц, и эта была премьера его сексуального опыта в этом неизвестном направлении.

Ему не верилось, что ещё мгновение, другое, и он сделает это свалившееся на него турецкое чудо женщиной... Явь это или всего лишь сон, уже невозможно было понять – его

сознание стало туманным.

Алексей широко раздвинул ноги турчанки, с осторожностью отвёл по сторонам нежные розовые лепестки женской плоти и уткнул свой налившийся кровью могучий фаллос в представшую перед ним преграду.

В предчувствии незнакомого ощущения девушка зажмурилась глазами. По всей вероятности, её устрасил внушительный размер мужского копья.

Алексей поудобнее расположился поверх тела иностранки и, прикрыв для чего-то глаза, резко вошёл в неё.

Почувствовав в себе мощный толчок твёрдой плоти Алексея, Бетуль вскрикнула от пронзившей её боли...

Сколько времени длилась неистовая буря взорвавшихся чувств – они оба не могли осознать, время для них как бы остановилось. Алексей не мог насытиться страстной турчанкой. Он стонал, его тело выгибалось, превращаясь в это мгновение в незримую пружину, потом, излившись горячим семенем, ослабевал ненадолго, оставаясь в единстве с женщиной, и напрягался вновь, не в силах устоять перед очередной волной неугасающей страсти.

В небольшом оконце предбанника небо уже посерело, когда оба обессилено замерли. Первым нарушил молчание Алексей. Прикоснувшись губами виска Бетуль, он виноватым голосом проговорил:

– Очень сожалею, что не родился лирической натурой. Столько красивых слов наговорил-бы я тебе, очаровательная

Бетульюшка, столько стихов посвятил-бы, сколько ни один поэт в мире пока ещё не сочинил.

Бетуль глубоко вздохнула, не сводя с Алексея пристальных фиалковых глаз. Признание незнакомого русского мужчины поразило её. Разум турецкой красавицы, вероятно, отказывался верить в происходящее – уж слишком стремительно развивались невероятные события, больше похожие на чудесную сказку. Чужая страна, мимолётное знакомство с суровым русским мужчиной и такие прекрасные слова из его уст. Невозможно было поверить в то, что Алексей говорил искренно. Она смотрела на него заворожёнными, светящимися от счастья, глазами и молчала, словно потеряла дар речи.

Не дождавшись какой-либо реакции от Бетуль, Алексей без обиняков заявил:

– Я, между прочим, холостой и не прочь оставить в своём доме на некоторое время такую красавицу, как ты.

– Ты это серьёзно? – удивилась Бетуль, подав, наконец-то, свой умолкнувший голос.

– Вполне, – подтвердил Алексей. – Можешь не сомневаться. Я не пьяница и не злодей, не маньяк и не проходимец. Правда не такой крутой бизнесмен, как мой сосед Николай Федоров, но зарабатываю на жизнь вполне достаточно и ни в чём не нуждаюсь.

– Господин Федоров, похоже, не такой уж крутой бизнесмен, каким ты его себе представляешь, – заявила Бетуль пе-

чальным голосом.

– Почему?

– Потому что он оказался лживым и непорядочным господином, – продолжила Бетуль с гневным оттенком в голосе. – Взял у меня в долг товаров на приличную сумму и до сих пор не расплатился.

– И ты приехала сюда, чтобы востребовать с него этот долг? – спросил Алексей.

– Да, после того, как господин Федоров перестал отвечать на мои звонки, я поняла, что он решил... как это по-русски?

– Кинуть, – подсказал Алексей.

– Да, кинуть. Мне пришлось разыскать адрес его местожительства, и я направилась сюда, чтобы изъять у него свои деньги, – с вызовом заявила Бетуль.

– Изъять?! В одиночку?! – поразился Алексей смелости турчанки. – И не побоялась, что он может жестоко расправиться с тобой?

– Я привыкла решать свои проблемы самостоятельно, – с гордостью произнесла Бетуль. – И не проиграла ни одной схватки. С нечестными партнёрами у меня разговор короткий.

Последние слова сильно заинтересовали Алексея.

– И как ты собиралась поступить с этим мошенником? Заявить на него в органы правосудия? – спросил он, подумав, что слова турчанки – типичная женская бравада.

– Нет. Я намерена провести с ним ряд профилактиче-

ских мероприятий, – расплывчато ответила Бетуль, усмехнувшись, – после которых у него появится непреодолимое желание заплатить за мой товар с процентами.

– А если подробнее?

– Я мастер боевых искусств и у меня своя методика работы с негодьями, – заявила крутая бизнес-леди. Потом, после небольшой паузы, проговорила с загадочной улыбкой на лице:

– А твоё предложение очень даже заманчивое. Я, пожалуй, подумаю над ним, если ты не пошутил.

– Какие могут быть шутки? – встрепенулся Алексей от мысли, что у него появится возможность наслаждаться ласками этой восхитительной женщины ещё некоторое время. – Оставайся у меня, живи, сколько тебе захочется.

– На раздумывания у меня впереди ещё целая ночь, – проговорила Бетуль интригуяще. – Надеюсь, ты не прогонишь меня до утра?

– Что ты такое говоришь, судьба моя! – воскликнул Алексей. – Я не способен глумиться над беззащитной женщиной!

Бетуль прижалась к Алексею, поцеловала его и прошептала на ухо:

– Спасибо тебе, мой спаситель...

Некоторое время они лежали молча, потом Алексей спохватился:

– А ты, милая, случайно не помнишь, зачем я тебя сюда привёл?

– На экзекуцию, – призналась Бетуль.

– Тогда чего же ты ещё в предбаннике? – грозно спросил Алексей. – Марш в парилку!

– Узурпатор! – выплеснула Бетуль, продолжая лежать. – Никуда я отсюда не пойду.

– Ах ты, язва! – Алексей схватил женщину в охапку и перенёс в парное отделение. – Сейчас я покажу тебе, как оскорблять меня! Будешь верещать, голосить, будешь просить прощения!

Баня ещё не остыла и сохранила жар. Алексей набрал в ковшик воды и плеснул на горячие камни. С громким свистом ухнул взорвавшийся пар и плотным облаком ушёл к потолку.

– Иди сюда, коварная девчонка! – устрашающим голосом приказал он. – Я страшный серый волк! Сейчас я поджарю тебя и съем!

– Не ешь меня, лютый волк, я тебе ещё пригожусь, – принимая игру, отозвалась Бетуль и покорно забралась на полоч.

Алексей взял распаренный веник и ласково прошёлся по её смуглой спине. Ускоряя взмахи, принялся выхватывать горячий пар из-под потолка. Бетуль вначале ойкала, потом плаксиво запричитала:

– Ой, мамочки, а-а-а! Узурпатор, изверг! Садист проклятуший! Я умру сейчас под твоим нещадным веником! Хватит!

– Вот тебе, вот тебе! – профессионально работая вени-

ком, Алексей прошёлся по скульптурным ногам Бетуль и стал хлестать её миниатюрные ступни. Потом помог ей повернуться на спину и повторил всё сначала.

– Для первого раза достаточно, иначе я действительно погублю твою душу, – смилостивился он и отложил веник. Взял Бетуль на руки, как ребёнка, и прижал к груди.

– Ну, как, живая ещё? – спросил Алексей и с нежностью поцеловал в мокрые губы.

– Побывала как в пекле ада, ей богу.

– Ничего-о, сейчас я обдам тебя холодной водицей и приведу в чувство.

Потом он поставил женщину перед собой и принялся мыть. Натирая мочалкой распаренное и порозовевшее тело, Алексей с замиранием сердца любовался им. Точёная фигурка Бетуль была настолько изящной, что, казалось, даже самый придирчивый взгляд художника не отыскал бы в ней ни малейшего изъяна. Он чувствовал, как хрупкое тело женщины податливо повинуется всем его безмолвным требованиям.

– Дальше я сама... – попыталась воспротивиться Бетуль, когда мочалка заскользила ниже пояса.

– Сама будешь в следующий раз, а сейчас закрой глаза и расслабься.

Властный голос Алексея не допускал никакого возражения, Бетуль ничего не оставалось, как безропотно подчиниться.

– Вот, теперь полный порядок, – сказал он, вылив ей на голову последний ковш воды. – Все страдания позади.

Разморённую и безвольную он завернул Бетуль в простыни и понёс к избушке на руках.

Пока разморённая после бани гостя отдыхала, Алексей накрыл стол для ужина.

– Вставай, принцесса, будем ужинать, – проговорил Алексей. – Турецких лакомств, к сожалению, у меня нет, зато могу угостить куриными окорочками с жареной картошкой. Устроит?

– Моя мама иногда готовит куриные окорочка, – сказала Бетуль. – Ещё она любит стряпать пельмени.

– Откуда такая тяга к русской кухне?

– Моя мама – русская, папа – турок, – сообщила Бетуль. – Так что я турчанка лишь наполовину.

– Вот, значит, откуда у тебя такие хорошие познания русского языка, – улыбнулся Алексей.

– В свои двадцать восемь лет я уже успела поработать переводчицей, гидом в турфирме, преподавателем русского языка в частной школе и лишь три года назад всерьёз занялась бизнесом, – дополнила Бетуль, присаживаясь к столу.

– Ну, тогда за знакомство? – сказал Алексей, наполнив знакомые рюмки коньяком.

– А третий тост будет за смелость? – спросила Бетуль и рассмеялась.

На щеках женщины проступили милovidные ямочки, в

фиалковых глазах запрыгали озорные чёртики.

– Третий тост будет за смелость, потом мы выпьем с тобой за любовь, неугасающую страсть, нескончаемую удачу и так далее, пока не допьём нашу бутылку до конца, – ответил Алексей.

– Мы будем сегодня с тобой немножко алкоголиками, – проговорила Бетуль.

Несуразная фраза рассмешила Алексея и очень ему понравилась.

– Да, моя принцесса, мы с тобой сегодня стали немножко алкоголиками. Только не от спиртного. Сегодня мы пьяны от вихря страстей и эмоций, противиться которому мы просто не смогли, – ввернул он экспромтом на волне нежности, охватившей его.

Они пили коньяк маленькими глоточками и безостановочно ворковали, наслаждаясь журчанием своих голосов. Говорили, словно до этого были немыми, а, обретя способность голосового общения, не могли остановиться из-за боязни вновь потерять дар речи.

Бутылку они осушили, когда за окном опустился чёрный занавес ночи.

– Всё, Бетульюшка, пора нам с тобой баиньки, – сказал Алексей, вставая из-за стола. – Объявляю отбой.

– Отбой – это что? – сонным голосом спросила осоловевшая Бетуль.

– Отбой – это армейский термин, сигнал, подаваемый по

окончании дня в армейских соединениях, а также церемония, его сопровождающая, – ответил Алексей заученным военным языком.

Они уместились на ночлег на одном диване, крепко обняв друг друга, словно были любовниками на протяжении длительного времени.

***

«Вот и начались чудеса, о которых предсказала цыганка. Чудеса, в которые я никогда бы раньше не поверила. Теперь они стали частью моей жизни», – отметила про себя Бетуль и радостно улыбнулась. Настроение было великолепным, она чувствовала себя легко и даже беззаботно. Ещё бы! Она встретила Алексея и впервые влюбилась по-настоящему. Мысль о том, что она в двадцать восемь лет неожиданно стала женщиной всецело переполняла ее. Она вдруг поверила, что впереди у неё столько прекрасного и удивительного, что просто дух захватывает! Будущее интриговало и завораживало своей беспредельностью, а состоявшийся разговор с Алексеем накануне придал твердую уверенность в правильности сделанного ею выбора. Скучная и пресная жизнь в Турции скоро закончится, её подхватит стремительный поток потрясающих событий в России и закрутит в своём водовороте.

– Всё будет распрекрасно! – прокричала Бетуль, сложив ладони рупором. Мир в этот миг показался ей совсем иным – он вдруг наполнился многообразием звуков, которых она

раньше не замечала. Щебетали птицы, в вершинах деревьев гулял хулиганистый ветер, загадочно ворковала бегущая в реке вода.

Налюбовавшись прелестями природы, Бетуль спустилась к реке. Здесь располагался укромный уголок, окаймлённый с трёх сторон живой изгородью из плотного ивняка. Идеальное место для уединения. Рядом располагалась лавочка с удобной спинкой, сооружённая некогда руками Алексея.

Бетуль устроилась на лавочке, разбросав руки по сторонам, и запрокинула голову. По небу неторопливой вереницей двигались облака. Их очертания постоянно менялись, и она, предавшись фантазиям, принялась высматривать в них живые образы. В детстве это здорово получалось. Приглядевшись внимательно в крайнее облако, ей удалось распознать в нём царя зверей. В другом она увидела жирафа с необычайно длинной шеей, а третье предстало в облике двугорбого верблюда. Прошло совсем немного времени, и вот уже царь зверей превратился в безобидного слонёнка, а из жирафа получился дракон. Воображение продолжало работать машинально, а мысли незаметно перешли в другое русло. Бетуль думала об Алексее. За пять дней, которые они провели вместе, она разузнала о нём всё, или почти всё. По крайней мере, так ей казалось, потому что Алексей отвечал на любой поставленный вопрос и ничего не скрывал. Впервые в жизни судьба свела её с настоящим мужчиной, который понимал женщину так, как грезилось ей в юном возрасте. Муже-

ственность и решительность этого человека странным образом уживались с его скромностью и стыдливостью. Бетуль вспомнила, как сжалось её сердце при виде шрамов на его теле, как поспешно при этом Алексей надел футболку.

– Откуда у тебя это? – спросила она.

– Чечня пометила, – коротко ответил Алексей, и она не стала больше допытываться до подробностей.

Размышляя о своих отношениях с ним, она впервые поняла, как дорог стал для неё этот мужчина. Не было ни одного часа, когда он не доставлял ей радость. Бетуль окончательно убедилась, что влюбилась в Алексея по уши. От такой радостной мысли по телу каждый раз прокатывалась горячая волна нежности, а вслед за ней появлялась тревога. Что если нагрянувшая любовь коснулась только её, а сердце Алексея так ни разу и не дрогнуло? Как узнать о его чувствах, как объясниться? Ведь кроме слов природа не наделила человека иными средствами. Но как их подобрать, как найти те единственные, которые бы с абсолютной точностью донесли её переживания? Как объяснить то сладострастие, которое охватило её в бане, когда Алексей заключил её в свои объятия. Тогда она словно вспыхнула, и от возникшего жара потемнело в глазах. В юности ей удалось прочитать немало книг о любви. И всякий раз, погружаясь при чтении в любовную интригу, Бетуль невольно сравнивала свои чувства к появившемуся ухажёру с теми, которые испытывала влюблённая героиня романа. Ничего общего. Ни трепета, ни тер-

зающих душу переживаний. Она прекращала свидания под луной тотчас же, оставляя молодого человека в полном недоумении. Так продолжалось до тех пор, пока Бетуль всерьёз не уверовала: любить ей просто не суждено. Она восприняла это спокойно, без переживаний. Не дано, так не дано. Не биться же головой о стену?

И вдруг – Алексей. Встреча с ним – словно молния среди белого дня, поразившая её наповал. Он стал для неё неким образцовым повелителем, мудрым и решительным рыцарем, о котором мечталось в юности, высоким, красивым и нежным мужчиной. Уже на следующий день Алексей разыскал Николая Федорова, и тот (к её великому изумлению!) скрывавшийся от неё долгое время, вдруг незамедлительно и безропотно перечислил на её счёт всю сумму долга с процентами, принеся извинения СМС-сообщением. Ей даже не пришлось с ним встречаться, не говоря уже о намеченной акции физического воздействия к негодюю.

В бесконечных рассуждениях с собой Бетуль не заметила, как подошло время возвращаться в дом, ставший для неё почти родным.

Близился вечер, Алексей просил не опаздывать. Бетуль заторопилась к любимому мужчине. Она знала, что по возвращении её ждёт очередной сюрприз. Какой именно – не важно, главное, что он будет исходить от Алексея. В одном она была уверена: вечером произойдёт что-то особенное и переломное в её жизни...

Пьяная свадьба

На церемонию бракосочетания друга я опоздал и попал на свадебное застолье в тот момент, когда все гости были уже навеселе. Среди приглашённых я увидел Катю – соседскую девчонку, с которой общался ещё в подростковом возрасте. С тех пор встречаться с ней мне не доводилось.

Взглянув на Катю, я поразился её внешности: из неприметной поселковой девчушки она превратилась в настоящую красавицу. Разрумянившаяся, весёлая и удалая, она была в центре внимания.

Зажигательная свадьба пела и плясала. Поздравив молодожёнов и вручив им подарок, я принял на грудь «штрафную» и подошёл к Катерине, представился:

– Василий.

– Катерина, – ответила бывшая соседка и, улыбнувшись лукаво, протянула руку для шуточного поцелуя.

– О-о, даже так! – воскликнул я и коснулся губами бело-снежной руки девушки.

– А ты всё такой же, Василий, – проговорила она, устремив на меня свой пронзительный взгляд.

– Какой? – удивился я.

– Проказливый и беззаботный, – сказала Катя.

– Это всё напускное, – возразил я. – Должен же я как-то обратить твоё внимание к собственной персоне.

– Ладно, поверю, так и быть, – рассмеялась моя подростковая подруга.

– Вы позволите пригласить вас на танец? – спросил я, заглядывая в лицо прекрасной принцессы.

– О, да, конечно, – согласилась Катя без кокетства.

Я положил одну руку ей на плечо, вторая рука застыла на талии, мы медленно двинулись по кругу.

«Какая она очаровательная, – подумал я, исподтишка разглядывая лицо Катюши с родинкой на верхней губе. – Была тонконогая пигалица и – на тебе! Само совершенство! Фигура – словно штучная работа талантливого скульптора. Ножки, груди – великолепный образец для соблазнения даже морально устойчивого мужчины».

Двигаясь в танце, я обратил внимание на завистливые и похотливые взгляды подвыпивших парней. Они буквально пожирали глазами мою партнёршу, испуская в неё поражающие молнии.

«Однако, не стоит раскатывать губу преждевременно, – подумалось мне. – Притягательная спелая ягода вполне может оказаться волчьей, а это уже убийственный приговор».

Я прожил много лет в общежитии, не связывая себя серьёзными отношениями с представительницами противоположного пола. Были светские вечеринки и были настоящие попойки. Встречались строгие воспитанные девушки и бесшабашные девицы, которые дарили мне непристойные ласки. Я разделял плотские желания тех и других, не зацikli-

ваясь на последствиях. И вдруг – Катя, которая заставила меня призадуматься. Я не мог поступить с ней также, как поступал с другими подружками. Она была для меня что-то вроде младшей сестры.

– Явление Христа народу, – охарактеризовал я встречу с Катериной своему другу-жениху в перерыве между танцами и застольем.

– Ну и крути штурвал дальше, – поучительно заметил Саша. – С курса не собьёшься. Если всё будет на мази – мигни, я тебе сюрприз устрою.

– Что за сюрприз? – спросил я и, не получив вразумительного ответа, вскоре забыл про разговор.

Я приглашал Катю танцевать беспрестанно, усматривая, что нравлюсь ей. Это видно было без слов. Катя смотрела на меня снизу в верх с нескрываемым восхищением, чуть приоткрыв красивые тонкие губы и загадочно улыбалась.

– Чему ты улыбаешься? – любопытствовал я.

– Так. Радуюсь за невесту. Хорошего парня отхватила, – с небольшой заминкой ответила Катя, отведя взгляд в сторону. Она явно лукавила, и я не поверил её словам. Застенчивая улыбка моей повзрослевшей соседки говорила о другом. Я был уверен, что в её голове кружились совершенно иные мысли, но решил подыграть.

– Да-а, Сашка парень – что надо! – согласился я. – Из флотских, как и я. А на флоте, Катюша, всему выучили. Санька – готовый хозяин для семейного очага. Всё знает, всё

умеет. Галка за ним будет, как за каменной стеной.

В танцах, развлечениях и обильном застолье время совсем незаметно приблизилось к полуночи. Пора было расходиться. Расквартированием приезжих занимался сам жених.

– Василий, – тихо позвал он меня.

– Что? – так же тихо отозвался я.

– Ну что, понравилась тебе голубка?

– Так я её ещё с детства знаю.

– Я тебя не спрашиваю, когда и где вы с ней познакомились. Задаю конкретный вопрос: понравилась?

– Да, – сказал я и утвердительно кивнул головой. – Красивая женщина.

– Тогда иди за мной.

Мы вышли на крыльцо. На улице – ни зги. Постояли с минуту, присмотрелись. Когда глаза привыкли к темноте – стали вырисовываться контуры речки и ближайших домов.

– Смотри сюда, – проговорил Сашка, развернувшись вполоборота. – Видишь дом напротив по ту сторону речки?

– Ну?

– Подкову гну. Этот дом сегодня в твоём распоряжении. Печь протоплена, дверь не заперта. Понял?

– Ничего не понял.

– Ты что, как тюфяк из баталерки? – удивился Сашка. – Катюха нравится?

– Ну, – снова повторил я, не улавливая, к чему клонит мой друг.

– Бери своё сокровище под руку и – вперёд! Отдыхать. Гостиницы в нашей деревне Гадюкино нет. Теперь понял?

– Теперь понял.

Мы вернулись в дом. Веселье продолжалось. Никто не хотел уходить. Тамада вновь пригласил гостей за стол и предложил выпить на посошок. Налили по полной. Я и Катя оказались рядом. Мы посмотрели в глаза друг другу и чокнулись.

– Катя, – наклонившись к уху девушки, шёпотом произнёс я.

– М-мм...

– Ты знаешь, где тебе предстоит сегодня ночевать?

– Пока не знаю. Сейчас пристроят к кому-нибудь, – смеюсь, также шёпотом, ответила Катя.

– Уже пристроили.

– С чего ты взял?

– Саша сказал.

– И к кому же?

– Ко мне, – я пристально посмотрел в лицо девушке.

Хотя Катерина была под хмельком, её немного осоловевшие глаза мгновенно пришли в нормальное состояние, на щеках появился румянец.

– Как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Сейчас встаём и незаметно исчезаем. Жду тебя на улице.

Катя не успела произнести что-либо в ответ, как я быстро встал и направился к выходу. Минут через пять на улицу

вышла Катя, её слегка покачивало.

– Пошли, – проговорил я в категоричной форме и почувствовал некоторое волнение.

– Пошли, – также взволнованно ответила Катя.

Впереди была речка. Хотя стоял декабрь, она по какой-то причине не замерзала. Через протоку были брошены три длинные жерди. По всей вероятности, они служили временным мостком, по которому люди приноровились совершать переход, не огибая половину деревни.

Я взял девушку за руку, и мы вступили на мосток. До половины пути шли уверенно. Казалось, ещё несколько шагов – и мы окажемся на противоположном берегу. Однако, в последний момент одна из жердей дрогнула и повернулась. Взмахнув руками, мы оба очутились в ледяной воде.

Речка, к счастью, оказалась неглубокой, мы стояли на каменистом дне по пояс в воде. Ломая тонкий прибрежный лёд телом, я вытащил Катю на берег. В избе приказал девушке снять мокрую одежду.

– Снимай и быстро ныряй в постель! – распорядился я грозно. – Я тебя разотру, иначе ты заболеешь. Потом выжму одежду и вывешу сушиться.

– Ещё чего?! – взвинулась она, стыдясь обнажаться передо мной. Она уселась на табуретку и попыталась снять с ноги сапог. У неё это не получалось. Деревенская бражка «на посошок» сделала своё дело – Катю развезло, поведение стало неадекватным. Я хотел ей помочь, но она с силой оттолкну-

нула меня.

– Не смей ко мне прикасаться! – воскликнула Катерина.

– А то что?

– Расцарапаю тебе всю физиономию, – заплетающимся языком проговорила моя подопечная.

Пока я соображал, как мне снять с Катюхи мокрую одежду, она неожиданно обмякла и, как была в мокрой одежде, откинулась спиной на кровать. Перевернувшись на бок, мгновенно отключилась. Мне ничего не оставалось, как раздеть Катю силой, растереть тело до красноты и укутать тёплым одеялом.

Утром мы проснулись в одной постели. Открыв глаза, Катя с удивлением уставилась на меня.

– Ты... со мной... что-то сделал? – дрогнувшим голосом спросила она.

– А ты разве ничего не помнишь?

– Не-ет, – растерянно ответила Катя.

– Не бойся, ничего у нас с тобой не было.

– Да? Ты сказал правду?

– Не сомневайся, – проговорил я убедительным голосом и рассмеялся:

– Я не маньяк и трупы не целую.

Глаза Катерины заблестели от радости, и она, не осознавая, что делает, обняла меня в порыве благодарности и поцеловала. От неожиданности я замер и напрягся от прикосновения горячего женского тела. В следующую секунду моё

сердце забилося учащённо, а по телу прокатилась волна возбуждения. Не удержавшись, я ответил взаимностью и привлёк Катю к себе.

– Ты... что делаешь? – пытаюсь освободиться от моих объятий, проговорила Катя.

– Я... я – ничего, – пробормотал я и принялся жадно целовать девушку в губы, в щёки, в глаза, ещё сильнее стиснув её в своих объятиях.

Катя почувствовала жар моего воспламенившегося тела и загорелась страстью сама. В избытке чувств она бессвязно зашептала:

– Не надо... раздавишь... слышишь, постой... Я так давно... ждала тебя... Не надеялась уже... Да, видно... Бог смилостивился – и моя мечта сбылась. Вася, милый... мне хорошо с тобой. Такого не может быть... сказка моя... отрава моя...

От этих неожиданных и жарких слов я возбуждился ещё больше, понимая, что изречения Кати снимают все преграды на моём пути к заветной цели. Я тут же обрушил на неё поток горячих поцелуев – Катя застонала, запрокинула голову и закрыла глаза. Она уже не пыталась усмирить вспыхнувшую в ней страсть, уступая непреодолимому желанию её жаждущего организма.

– Мне тоже хорошо с тобой, – хрипло проговорил я пересохшими от возбуждения губами и прошёлся кончиком языка по соску её оголённой груди.

Тело Кати дёрнулось, рот широко открылся, из него вырвался сдавленный стон наслаждения. Она полностью покорилась моей страсти.

Всплеск ярких эмоций девушки отозвался во мне ещё большим возбуждением – по телу прокатился озноб от предвкушения скорого проникновения в лоно очаровательной красавицы. Я пламенел всё сильнее и сильнее. Ощупывать под одеялом совершенство пропорций женского тела для меня было недостаточно – я предпочитал любоваться женскими прелестями визуально. Не прекращая ласки, я отбросил одеяло и устремил свой взгляд на потаённое место между ног. Перед глазами предстал аккуратно постриженный чёрный треугольник. Во мне вновь прокатилась очередная волна сладостных эмоций, рука непроизвольно потянулась к интригующему островку. Мои пальцы с нежностью прошлись по волосяному покрытию лобка и отправились на поиски потаённой бусинки.

Почувствовав нежное прикосновение моего пальца к своей крохотуле, Катя вздрогнула и томно застонала.

– Как ты прекрасна, моя Катеринка-картинка, – прошептал я на ухо моей спутнице, проделав несколько массирующих движений по набухшей жемчужинке.

– Я хочу тебя всего, Васечка... – выдохнула Катя. – Я так ждала этого момента... спасибо новобрачным за приглашение... иначе эта сказка осталась бы несбыточной мечтой...

Катя отстранила мою руку и, ухватив детородный орган,

уже не уступающий по твёрдости стальному стержню, направила себе в промежность, ловко забросив ноги мне на спину. Ощутив кончиком своего инструмента влажную горячую плоть женщины, я стал медленно погружаться в глубину неизведанного волшебства...

Через несколько часов, благополучно миновав злосчастный мосток, мы вновь были на свадьбе. Опять веселились, пели песни, танцевали. А к полуночи вернулись в отведённую для нас избу и вновь погрузились в упоительную сказку любви на всю ночь.

Пьяная деревенская свадьба продолжалась трое суток. В перерывах бесконечного застолья, когда хмельные гости выходили подышать морозным воздухом, мы исчезали из поля зрения шумной компании и устремлялись в приютившую нас избу. Мы с Катей никак не могли насытиться единением наших трепетных тел.

Наступил четвёртый день – день отъезда. Для нас с Катей – день расставания. Мы жили в разных городах и не знали, когда ещё сможем встретиться. Да и встретимся ли вообще?

От предстоящей разлуки было тоскливо, на сердце скребли кошки.

Катя, сославшись на какие-то неотложные дела, отлучилась к невесте, я остался на улице ждать водителя, который должен был увести нас в областной центр. С Сашей я попрощался ещё утром.

Я стоял на берегу речки и тупо смотрел на три жерди,

ставшие для нас с Катей «дорогой счастья и наслаждений».

За моей спиной послышались шаги. Я обернулся и увидел Катерину. Она остановилась передо мной в нескольких шагах. На ней был огромный тулуп. Катя выглядела подростком в этой долгополой шубе, казалась такой трогательной и беззащитной, от чего я невольно встрепенулся, почувствовав, как по телу разливается волна нежности к ней. Я увидел её печальные глаза, в которых угадывалась какая-то тайна, какой-то особенный блеск, которого я раньше не замечал.

– Пошли в дом, Вася, – произнесла она тихо. – Ты, наверное, продрог, дожидаясь меня?

Я ничего не ответил и подошёл к Кате вплотную. Так мы стояли довольно долго, глядя друг другу в лицо, и молчали. Потом одновременно ринулись в объятия, словно не виделись вечность.

– Я остаюсь здесь до завтрашнего утра, поеду с молодожёнами, – прошептала Катя. – А ты должен уехать сейчас.

– Почему?! – вырвалось у меня.

– Так будет лучше.

– Кому?

– Нам обоим, – в голосе Кати прозвучали требовательные нотки.

– И, всё-таки, почему? – спросил я, предчувствуя пакостное сообщение.

– Потому что сегодня вечером за мной приедет муж, – услышал я ответ, сразивший меня наповал. У меня перехва-

тило дыхание, сердце учащённо забилося от сногшибательного известия.

– Муж?! – воскликнул я, не веря в правдивость слов Кати.

– Да, я замужем уже два года.

– Но...почему?

– Почему я тебе не призналась сразу? – на лице Кати на пару секунд появилась натянутая улыбка и тут же пропала.

– Да.

– А ты меня не спрашивал, – усмехнулась Катя. – Пошли, я тебя провожу до дома твоего водителя. Он уже ждёт тебя.

– А тулуп у тебя для чего? – задал я нелепый вопрос.

– Чтобы ты, милый, не замёрз в дороге. Тебе предстоит путешествие в дырявом холодном «Уазике», – заботливо проговорила Катя.

Она взяла меня за руку, и мы медленно зашагали к дому привередливого водителя, не пожелавшего подъехать за мной. Я больше не спрашивал Катю ни о чём – не видел смысла в своих вопросах.

Наш путь пролегал через небольшой перелесок. Вокруг стояла первозданная тишина. Пушистый снег тихо падал на наши плечи, укладывая отдельные снежинки в замысловатые кружева. Могучие ели и пихты, стоящие на подступах к указанному дому, сонно дремали, собирая на ветви зимнее покрывало. Казалось, сама природа вдруг притихла, замерла, боясь потревожить наше молчание.

Пьяная свадьба отзвенела своим многоголосием, вместе

с ней закончилась и любовная сказка, полная необузданной страсти...

Презент тайского гида

В аэропорту Бангкока меня встретил гид по имени Санком. Это был таец небольшого роста с длинными чёрными патлами. Скуластое лицо, изрытое множеством шрамов от фурункулов, лоснилось от жары. Он стоял в стороне от основной толпы встречающих, в руках – большая картонка с моей фамилией. Естественно, на английском языке. Я без промедления направился к тайцу.

– Господин Павлёв? – спросил тот по-русски, заменив букву «о» на «ё».

– Йес, ай эм, – весело ответил я, проверяя свои познания в английском.

– Давайте говорят по-русски, – предложил Санком, обнажая в улыбке, мягко говоря, не совсем белоснежные зубы.

– Для меня это есть большой практик, моя работа он необходим. Хоросо?

– Замётано, – согласился я, поражаясь своему отличному настроению. Так хорошо мне было разве что в далёкой молодости.

«Как же я буду общаться с тобой, мой славный гид, если ты по несколько минут строишь элементарные предложения? – подумал я. – Хотя, нужен ли ты мне вообще? Солнце, море, одиночество – вот чего я хочу. Остальное – мелочи, объяснимся как-нибудь».

– Замётано – это сто? – чёрные глазки Санкома встревожено уставились на меня.

– Согласен, значит, – без особого удовольствия пояснил я. Санком проводил меня до подержанного автомобиля грязно-серого цвета.

– Присядь, – указал он жестом на заднее сиденье.

За рулём сидел молодой человек с такой же неряшливой внешностью. Звали его Антхэй. Старые разбитые очки чудом держались на его искривлённой переносице.

«Где-то тебе, парень, хорошо досталось», – отметил я про себя.

Представители турфирмы перебросились между собой несколькими фразами на родном языке, и машина вырулила со стоянки.

– Паттайя несколько час езда, – не оборачиваясь, сообщил гид. Показав пальцем на водителя, добавил:

– Но он хоросо делай много быстро.

– Ай андестенд ю, – ответил я на английском вопреки просьбе моего гида.

Санком промолчал. Потом разулся и, откинув спинку сиденья, развалился для сна.

«А ты, паря, ещё и беспардонен донельзя, однако, – мысленно оценил я поведение тайца. – Культура из тебя так и прёт».

Двигатель автомобиля работал ровно и беззвучно, а через четверть часа его монотонное гудение стало нарушать-

ся периодическим похрапыванием достойного представителя турфирмы.

Водитель действительно знал своё дело, вёл машину уверенно и с большой скоростью. Полторы сотни километров – расстояние от аэропорта до окраины Паттайи – мы преодолели за час с хвостиком.

Антхэй погасил скорость и толкнул в бок Санкома. Тот открыл глаза, о чём-то спросил по-тайски. Подкатил сиденье, отрегулировал его под себя, шумно зевнул и потянулся.

– Васа отель, господин Павлёв, назваца «Хард Рок Отель», – Санком ослабился, показав всю красоту гнилых зубов.

Машина плавно затормозила и остановилась у зазывного входа в отель. Словно из-под земли появился швейцар. Улыбаясь до ушей, он подошёл к машине, взял багаж и понёс к регистратуре. Я последовал за ним.

Одноместный номер находился на втором этаже. Вещи стояли уже посередине комнаты. Я достал из чемодана бритвенные принадлежности, положил на полочку перед зеркалом и принял душ.

Не успел я привести себя в порядок, как в дверь постучали. На пороге стоял сияющий Санком.

– Я – ваша услуга, господин Павлёв, до завтра утро. Потом я буду встреча группа шведен, три день. Вы будете сам себе. Шаляй-валяй. Но скука не будет. Сегодня я буду показ прелесть Таиланд. Потом господин будет иметь прелесть оди-

ночка, ровно три день, ему будет мало, – хихикнул Санком.

Мы снова сели в машину и совершили объезд Паттайи. Когда обзорная экскурсия подошла к концу, наш автомобиль остановился у сверкающего яркими огнями массажного салона.

– Гость Павлёв должен идти тут. Салон очень хорошо.

– Но... – начал было противиться я, наслышанный о сексуальных тайских салонах. Ко мне пришла уверенность, что Санком привёл меня в один из них.

– Нет – но, – замахал руками гид. – Это услуга твоя путёвка. Фирма платит. Гостеприимство. Презент.

Санком взял меня под руку и повёл в здание. У входа по обе стороны стояли модельные тайки, облачённые в ярко-голубые платья. В холле преобладал оранжево-красный свет, исходящий от настенных бра. Небольшие столы были покрыты красным бархатом, на каждом – свеча, источающая приятные благовония. Мы присели за угловой столик.

Вскоре отворилась боковая дверь, из неё вышла обворожительная тайка лет сорока. Миловидное лицо расплылось в улыбке. Она подошла к столику и о чём-то спросила Санкома по-тайски. Тот долго ей что-то объяснял.

«Может, свалить отсюда, пока не поздно?» – подумал я, внутренне борясь сам с собой.

Санком заметил мои терзания. Оттопырив большие пальцы обеих рук, воскликнул:

– Всё быть осень хороше, верь меня!

– Ладно, замётано, – согласился я, а про себя подумал: «Что это я стушевался, как не целованный мальчик? Был бы женат – куда ни шло, а так – сам себе режиссёр в этой жизни».

Любопытство взяло верх, и я остался. Тайка удалилась, её сменила другая, поменьше ростом, с подносом в руках. На столе появилось вино и фрукты.

– Немного ждать, – пояснил ситуацию Санком и разлил вино по бокалам.

Антхэй всё это время молчал. Мы отпили по глотку, оценив предложенное вино. Я внимательно осмотрел холл. Никаких излишеств, никаких переборов. Все предметы, находящиеся в холле, подобраны со вкусом и значением. Благовония, тихая мелодичная музыка приводили в умиротворённое состояние. Я почувствовал внутренний покой и расслабление.

Вновь появилась хозяйка салона. Она поклонилась, сложив по-азиатски ладони на груди, предложила последовать за ней.

Спустившись на полуэтаж, мы оказались в другом зале, меньшего размера, чем первый, залитым всё тем же оранжево-красным светом. Нас усадили на массивный кожаный диван, на столике опять красовалась откупоренная бутылка вина и ваза с фруктами. Из боковой двери вышла девчонка и подошла к нам, на вид не старше тринадцати-четырнадцати лет. На моём лице, вероятно, появилась тревога. Санком,

постоянно наблюдавший за мной, тут же заверил: в салоне нет девушек моложе восемнадцати лет. Тайка остановилась напротив меня и заглянула в лицо.

– Что она хочет? – спросил я у гида.

– Господин дать разрешение, и она сядет твои колени, – буднично пояснил Санком.

Мои брови поползли вверх, я не нашёлся, что ответить. Паузой мгновенно воспользовался Санком и подал девчонке какой-то знак – она незамедлительно приземлилась ко мне на колени. Я сразу почувствовал, как смущение выступило пунцовым гляncем на моём лице, но был уже не в состоянии что-либо изменить. Не прогонять же невинную девушку, если она, по словам гида, исполняет всего лишь ритуал. Юное создание обвило тонкими и нежными руками мою шею и мне стали понятны её истинные намерения. Я умудрился достать из кармана двести бат и протянул девушке.

– Сенк ю, – сказал я и легко похлопал тайку по бёдрам, давая понять, чтобы она оставила меня.

– Разве мистеру неприятно? – спросила она Санкома обиженно.

Я требовательно посмотрел на гида. Тот произнёс несколько слов, и девушка быстро исчезла. Из моих уст вырвался вздох облегчения.

Хозяйка салона сделала знак рукой, и перед нами предстали десятка полтора юных созданий. Они выстроились на значительном расстоянии и в красно-матовом свете казались

мне все на одно лицо.

– Выбирай, – обронил Санком.

Хозяйка хлопнула в ладоши, и девушки медленно совершили оборот вокруг себя.

– Хоросо! – восторгался Санком.

Антхэй продолжал молчать. Я тормозил, обводя любопытным взглядом девушек. Тайцы терпеливо ждали моего выбора.

– Павлёв растеряйся или хочет массаж от всех сразу? – хихикнул Санком.

Впервые попав в необыкновенный массажный салон, я чувствовал себя неловко и, ткнув пальцем наугад, выбрал девушку под номером десять. Тайка поклонилась и вышла из зала. Санком и Антхэй назвали свои номера.

Через несколько минут юная массажистка, переодевшись в обыкновенный халатик, взяла меня за руку и повела за собой. Мы свернули в длинный коридор и остановились перед комнатой под номером десять. Девушка достала ключ и отворила дверь. Она жестом пригласила меня следовать за ней и загадочно улыбнулась.

Комната была просторной и состояла из двух половин. В одной находилась ванна и чуть возвышающийся помост. Другая половина была задёрнута бархатным занавесом.

– Что там? – спросил я по-английски.

– Потом, потом, – засмеялась тайка. – Подойди ко мне ближе. Скажи, как тебя зовут?

– Николай, – представился я.

– Колай, – повторила массажистка и опять засмеялась. –

А меня зовут Хвэй. Сейчас я буду тебя раздевать.

– Не нужно, – запротестовал я. – Я разденусь сам.

– Нет-нет, мистер. Хвэй разденет. Это её работа. Хозяйка не одобрит.

– А ты, Хвэй, неплохо говоришь по-английски, – сделал я комплимент своей массажистке.

– У нас все девушки говорят на английском. Здесь такие требования.

Хвэй быстро раздела меня донага и провела к ванной. Потом взяла какие-то тюбики и выдавила в неё их содержимое. Ароматная вода, как квашня на хороших дрожжах, обрастая густой пеной, поднималась на глазах.

– Садись, – приказала массажистка, указав на специальное сиденье. Я сел, повинувшись своей повелительнице.

Хвэй остановилась в шаге от меня, расстегнула поясok на халатике и повесила его на крючок.

От неожиданности я замер, увидев юную смуглянку во всём великолепии. От восхитительной красоты миниатюрной фигуры мой непослушный детородный орган в считанные секунды пришёл в боевую готовность. Смутившись, я отвёл глаза от обнажённого тела девушки, уставившись ей в лицо.

Оно было непроницаемым и сосредоточенным, по нему трудно было определить, какие чувства владели ею в этот

момент.

Душистая губка заходила по моему телу, затем её сменила приятная струя из душа. Пока я блаженствовал, Хвэй достала большой надувной матрац и выдавила на него те же самые тубики. Мыльные дрожжи не замедлили подняться. Девушка взяла меня за руку и вывела из ванны, затем уложила в облако пены животом вниз и села мне на спину. Держась за боковые поручни, стала ягодицами двигаться по мне от затылка до пят, разворачиваясь на ходу. В ход пошли руки и ноги одновременно.

Я постанывал от удовольствия.

– Сколько времени длится твой сеанс? – полюбопытствовал я.

– Четверть часа мистер лежит на животе, потом столько же на спине.

– А потом?

– Когда Колай перевернётся на спину, он уже не задаст этот вопрос. После моего массажа Колай будет слушать желание своего тела.

Всё произошло так, как и предсказывала Хвэй. Поёрзав по моему животу и ногам голым телом, возбудив меня до критической точки, массажистка приняла душ, а затем раздвинула таинственные шторы другой половины комнаты. Я уже не спрашивал ни о чём и с непреодолимым желанием овладеть миниатюрной женщиной переместился на огромную кровать, застланную ароматными простынями. Оранже-

во-алый ночник освещал любовное ложе.

Тихо булькала тайская музыка. Пламя страсти сжигало меня изнутри. Едва очаровательная азиатка опустилась рядом со мной, как я набросился на неё, как изголодавшийся хищник на невинную жертву и совсем скоро, вскрикнув, излился раскалённой лавой ожившего во мне вулкана.

– Мистеру Колай хорошо? – спросила миловидная массажистка, когда я, обмякнув, выпустил её из своих объятий, и тихо рассмеялась.

– Товарищу Колаю очень хорошо, – ответил я, приходя в себя.

– Сейчас мистеру будет слаще, чем прежде. Хвэй потушила пожар его тела, но не доставила пока большой радости его душе, – массажистка весело рассмеялась, её глаза превратились в узкие щёлочки.

Не успел я перевести на русский её изречение, как мой успокоенный фаллос оказался во рту трудолюбивой азиатки.

– О-о, какой красивый русский богатырь! – с восхищением произнесла Хвэй через минуту, вынув изо рта мой отвердевший инструмент и погружая его в свою промежность.

Её маленькая норка, словно управляемый живой организм, начала ритмично сжиматься и разжиматься, массируя таким неожиданным способом моё неподвижное орудие любви. Обласканный этими нежными сокращениями, мой шалун очень быстро затвердел, как камень.

– О-о, мистер вновь горит желанием стиснуть меня в сво-

их объятиях! – воскликнула Хвэй.

– Да, я готов к новым подвигам, – сказал я, усмехнувшись в ответ.

– Мистер вправе распоряжаться моим телом так, как ему захочется, – произнесла массажистка.

Я задумался над её словами, не зная, правильно ли перевёл их смысл для себя.

Хвэй увидела моё замешательство и, манипулируя руками и ртом, показала мне все доступные для меня способы удовлетворения сексуальных желаний.

За оставшееся время я испробовал многочисленное количество поз из Камасутры, проявив недюжинные акробатические способности.

Ровно через два часа, и ни минутой больше, Хвэй, взяв меня за руку, отвела в знакомый холл. Там уже дожидались Санком и Антхэй.

– Презент – хороосо? – спросил мой тайский гид, растянув рот в улыбке.

Я согласно кивнул головой.

Восхитительная азиатка

– У меня для тебя есть хорошая новость, – сообщил мне немецкий друг по телефону.

– Тебе удалось разыскать Тхеви Бергман? – спросил я.

– Да. Моим друзьям из полиции пришлось немного попотеть, прежде чем информация о твоей знакомой появилась у меня. Женщина, которую ты разыскиваешь, сейчас носит другую фамилию.

– Она вышла замуж?

– Да, и у неё теперь другое место жительства.

– Куда она переехала?

– В Баварию, в маленький тихий городок под названием Баунах.

– Это далеко отсюда?

– Прилично. Расстояние будет меньше того, что ты преодолел, добираясь до Франкфурта из Берлина, но всё равно не близко.

– Вы ей не сообщали о моём визите в Германию?

– Ты не ставил передо мной такую задачу, – ответил мой друг. – Все данные о ней я сброшу тебе на мобильный.

– Спасибо, – поблагодарил я и отключился.

Через минуту у меня уже был номер сотового телефона Тхеви.

Я принял душ, облачился в халат и устроился в кресле.

Прежде чем позвонить Тхеви, долго обдумывал предстоящий разговор. Что можно сказать женщине спустя десять лет? Причём, женщине, с которой был знаком меньше месяца. Поздороваться, поинтересоваться изменениями в личной жизни? Сообщить скудные сведения о себе, произнося их таким невзрачным голосом, словно озвучиваешь скучную сводку новостей за неделю?

После долгих размышлений, я всё же набрал номер сотового телефона Тхеви. Я не мог не позвонить, находясь в Германии.

К удивлению, трубка Тхеви ожила почти мгновенно, едва прошёл первый сигнал вызова.

– Я вас слушаю, – произнесла Тхеви по-немецки. Не зная немецкого, я не понял, что она сказала, но сразу узнал её голос. Не теряя ни секунды, заговорил на английском языке:

– Здравствуйте, мне нужна Тхеви Бергман. С кем я говорю? – моё сердце сжалось в комок, голос предательски дрогнул. Я намеренно не стал представляться, ожидая реакцию женщины. Узнает ли она меня спустя десять лет?

Молчание в трубке длилось всего несколько секунд, потом раздался взрыв радости:

– Юра?! Ты!?! Откуда звонишь? Где потерялся?

– Я в Германии, в командировке. Сейчас нахожусь во Франкфурте на Майне.

– Сколько дней ты ещё пробудешь там? Нам нужно обязательно встретиться!

– Через два дня я должен буду возвратиться в Берлин.

– Это замечательно! Всё складывается, как нельзя лучше.

Через два дня мне тоже надо быть в Берлине по делам. Много времени они не займут. У тебя будет возможность взять выходной?

– Не знаю, всё зависит от того, как пойдут мои дела. Но, в любом случае, выкроить вечер для встречи с тобой у меня получится. Я тебе обещаю.

– Постарайся получить выходной, я организую незабываемую для тебя экскурсию. Ты будешь в восторге.

– Тхеви, дорогая, я не люблю экскурсии, – сказал я. – Можно просто погулять по Берлину, посидеть в уютном ресторане.

– Юра, это будет необычная экскурсия, – убеждённо заверила Тхеви. – Мы возьмём лодку и спустимся по реке. Вернее, по древнему каналу. На протяжении всего пути мы не встретим ни одной живой души. Вокруг будет только дикая природа с непуганым животным миром. – Тхеви немного помолчала, потом выдохнула:

– И мы вдвоём...

Я слышал её учащённое дыхание в трубке, сердце во второй раз сжалось в комок.

– Хорошо, я постараюсь освободиться на целый день, – уверенно заявил я. – В течение двух дней я тебе обязательно перезвоню.

– Тогда до встречи в Берлине? – радостно проговорила

Тхеви.

– До встречи, – ответил я и отключил телефон.

Через два дня я был уже в Берлине. Встреча с Тхеви произошла в безлюдном кафе на берегу реки Хафель. Накануне она подробно объяснила, как туда добраться. Я не стал запоминать ориентиры, а взял такси, назвал конечную точку и вскоре был на месте. С замиранием сердца вошёл в пустующий с утра зал и сразу увидел Тхеви.

Как и десять лет назад, в Паттайе, в ресторане отеля «Ройал Круз Эй-Ван», она сидела за столиком в конце зала, рядом с которым красовалась низкорослая кудрявая пальма. Я скорым шагом пересёк зал и остановился напротив Тхеви. Она протянула мне руку для приветствия.

– Ну, здравствуй, Тхеви, – произнёс я тихим голосом и поцеловал её руку.

– Здравствуй, Юра, – также тихо ответила женщина.

Я обошёл столик, устроился напротив неё. С минуту мы молчали и смотрели в глаза друг другу.

– Ты ничуть не изменилась, – сказал я, продолжая рассматривать лицо Тхеви. – Более того, стала ещё красивее и обольстительнее.

– Не надо лукавить, Юра. Любая женщина с годами увядает, и я не исключение, – отметила Тхеви и грустно улыбнулась. А вот ты действительно остался прежним – подтянутым, моложавым, и сильным. Только седины чуть-чуть добавилось.

Мы опять замолчали, всматриваясь друг другу в лицо. Оба вспомнили, при каких обстоятельствах познакомились, как привязались друг другу, и с какими чувствами в душе потом расставались. Все события десятилетней давности в одно мгновение промелькнули перед глазами обоих. Наконец, Тхеви спохватилась:

– Юра, нам надо поторопиться. Лодочник уже ждёт нас, а до пункта отправки ещё предстоит добраться.

– Хорошо, веди. Не смею противиться, потому что ты сегодня за главного.

Мы быстро встали и направились к выходу. Предусмотрительная Тхеви заранее заказала такси, водитель любезно распахнул перед нами дверь своего авто. Через час мы были на месте. Отпустив такси, нам пришлось идти до канала едва заметной тропинкой ещё метров триста.

Наконец, я увидел большую лодку. Она стояла у берега, слегка покачиваясь, и напоминала венецианскую гондолу. Канал ничем не отличался от обычной неширокой реки с естественными берегами. На корме восседал здоровенный бородатый мужик лет сорока, напоминая своим видом Илью Муромца. В его ручищах покоилось длинное деревянное весло.

Я вопросительно посмотрел на Тхеви, та рассмеялась:

– Он не разбойник. Это его бизнес. Здесь неподалёку есть заброшенная деревня. Жители давно покинули её, а лодочник с женой остался. Они не желали покидать родину

предков и живут натуральным хозяйством.

Мне стало весело – развеселила прозорливость Тхеви. В Паттайе я много рассказывал ей о России, о дикой уральской природе, об охотниках и рыбаках. Видимо, ей захотелось сделать мне приятно.

– Ты молодец, Тхеви. Просто умница. Сколько времени займёт такое путешествие?

– Часов пять-шесть. В пути мы сделаем несколько остановок. Я ведь не могу допустить, чтобы мой гость остался недоволен пикником.

Тхеви спросила о чём-то бородача, тот утвердительно кивнул.

– Можно ступить на борт пиратского корабля, он готов к отплытию, – бодро провозгласила Тхеви и пропустила меня вперёд.

Я шагнул на самодельный трап, состоящий из одной широкой доски, с прибитыми поперёк к ней брусками, помог перебраться в лодку женщине.

Посреди лодки была «каюта» – плотно натянутый тент из прорезиненной ткани с двумя скамейками и небольшим столиком посередине. Для обзора берегов края тента предусмотрительно были закинута на крышу. Когда мы устроились, лодочник шестом оттолкнул свою «гондолу» от берега, и она, слушаясь руля, вышла на середину канала.

– Ты не возражаешь, если мы сейчас отметим начало нашего путешествия? – спросила Тхеви, прищурившись. Глаза

её смеялись.

Я посмотрел по сторонам, пытаясь найти взглядом «скатерть-самобранку», на которой красовалась бы бутылка вина. Ничего подобного не заметил.

– Ты намерена попросить об этом всемогущего Джина? – поинтересовался я, принимая предложение за шутку.

– Он уже исполнил мою волю, – рассмеялась Тхеви, и, запустив руку под стол, извлекла из рундука плетеную корзину и поставила на скамейку. Корзина была разделена на четыре отделения. В одном – россыпь стограммовых бутылочек с вином с разными этикетками, в другом – фрукты, в третьем – конфеты и шоколад, в четвёртом – столовые принадлежности.

Я в очередной раз поразился предусмотрительности женщины, удостоив её комплимента:

– Ты действительно волшебница, когда только успела всё это организовать?

– Настоящие феи работают по ночам, – улыбнулась она в ответ. – Открывай вино, бери фрукты, конфеты. Наше короткое путешествие началось!

Мы выпили по бутылочке вина, закусили конфетами и фруктами. Лодочник будто не замечал пассажиров, устремив свой угрюмый взгляд поверх наших голов. Он зорко следил за струёй течения, периодически пошевеливая неуклюжим веслом.

– Вот теперь самое время обсудить ушедшие годы, –

проговорила Тхеви. – Мне кажется, информации скопилось столько, что её хватит на всё время нашего путешествия.

– Думаю, скучать в полном молчании нам не придётся, – с уверенностью высказался я. Выдержав небольшую паузу, спросил:

– Почему ты ни разу не позвонила мне за все эти годы?

Тхеви посмотрела на меня недоумённым взглядом.

– Ты шутишь?

– Ничуть. От тебя не поступало ни одного звонка, хотя я очень надеялся и ждал.

– А сам что же молчал?

– Твой номер телефона я утерял, к сожалению. Но секретарю поручил извещать меня немедленно, если поступит от тебя звонок.

– Юра, мой тебе совет: как только вернёшься на Родину – допроси своего секретаря с пристрастием. Я звонила тебе несколько раз. Ответ был один: ты занят. А потом и вовсе её телефон замолчал.

– Странно, очень странно, – с растяжкой проговорил я, восстанавливая в памяти события тех дней. Номер городского телефона действительно был заменен в связи с вводом в эксплуатацию новой телефонной станции. Но это состоялось намного позднее. Почему моя преданная Лариса скрыла звонки из Германии? В чём причина?

– Мне показалось, ты сам распорядился не принимать звонки от меня. Чтобы не ворошить прошлого и, как ты го-

ворил в Паттайе, обрубить все концы. Других объяснений я в то время не находила, – с горечью сообщила Тхеви. – Я понимала, что нам никогда не быть вместе. Но мои переживания были настолько сильны, что я не находила себе места целый год. Потом поняла: ты встретил женщину, и твоя судьба сложилась удачно. Боль во мне утихла, и я даже вышла замуж.

– Я по-прежнему холостой, – решил я уведомить мою знакомую.

– В нескончаемом поиске своей половинки? – улыбнувшись, спросила Тхеви. – Что-то уж слишком затянулся твой поиск.

– А ты счастлива в браке? – вместо ответа, спросил я и пристально посмотрел на женщину.

Тхеви задумалась, потом ответила странным рассуждением:

– Счастье – понятие относительное. Я долго шла к такому заключению, благо времени для размышлений у меня было вполне достаточно. Если бы человек не эволюционировал, возможно, и существовал бы некий критерий. А раз сознание меняется с каждой минутой, значит, никакого шаблона счастья не может быть. Сколько людей на Земле проживает – столько и критериев. Да и все они не постоянны. Сегодня твоё счастье в одном, а завтра ты его видишь совсем иначе. Мне кажется, человек в своём подсознании приспосабливается к условиям обитания, стремясь к благополучию. В этом и заключается его счастье. Так он запрограммирован своим

Создателем, и отменить эту программу не в состоянии.

– Кто твой муж? – поинтересовался я, выдержав минутную паузу после философских рассуждений женщины.

– О-о, мой муж – золотой человек, – в глазах Тхеви появился блеск женской нежности и благодарности. – Он боготворит меня, балует, терпит все мои капризы и умеет прощать любые гадости.

– И не ревнует?

– Я не даю поводов для этого.

– А встреча со мной? Разве это не повод?

– Это миг в моей жизни, женская слабость, о которой ему не следует рассказывать. Она никак не отразится на наших с ним взаимоотношениях. Одним словом, у меня будет всё хорошо, и тебе не стоит беспокоиться ни о чём.

– Ты работаешь или живёшь на попечении мужа?

– Работаю, адвокатом. В Баварию переехала по настоянию мужа. Швейную мастерскую и квартиру во Франкфурте оставила дочери. Кстати, у меня уже двое маленьких внуков.

– Поздравляю со статусом бабушки, – проговорил я.

– О-о, это замечательный статус! – воскликнула Тхеви. –

И я ничуть не стыжусь его.

Наше путешествие продолжалось. Мы сидели молчаливо, смотрели по сторонам, не разнимая сцепленных ладоней. Моя память унесла меня в прошлое.

Я вспомнил нашу первую встречу в Таиланде...

...Был вечер, я облюбовал столик под пальмой в конце за-

ла. Там было темно, и никто из посетителей ресторана его не занимал. Все предпочитали находиться поближе к бассейну, где красивые люстры и яркий свет. Официант заметил меня не сразу, а увидев, понял свою оплошность. Быстро подошёл и положил на стол меню. Я уткнулся в разрисованную книжицу, выбирая блюдо.

В это время к соседнему столику, более освещённому, подошла тайландка. На вид ей было лет тридцать пять. Она бросила короткий взгляд на меня и заняла столик против моего. В глаза бросилась её одежда. Местные женщины такую одежду не носили. На незнакомке была блузка европейского стиля и белые брюки, плотно обтягивающие стройные бёдра. Красивое лицо, высокая грудь, пышные чёрные волосы уложены на голове под валик. Я невольно залюбовался женщиной и предположил, что она приезжая.

Азиатка вела себя раскованно, не опасаясь, что официант под благовидным предлогом постарается выпроводить её из зала.

За дни, проведённые в Паттайе, я успел заметить, что местных женщин в рестораны при отелях не пускают. Не принято. Эта незнакомка вела себя очень уверенно и ждала официанта, чтобы сделать заказ.

Подошёл официант. Миловидная женщина на хорошем английском сделала заказ. Причём, быстро и непринуждённо. Молодой человек кивнул головой и удалился.

«Почему на английском? – удивился я. – Может она не

таиландка, а японка?»

Поразмышлять не удалось. Подошёл другой официант, замер в двух шагах от моего столика. Соблюдая этикет, я выдержал паузу, потом произнёс по-английски:

– Креветки и мясо птицы под сладким соусом. – Поколебавшись секунду, добавил:

– И сто граммов водки, только не рисовой.

Официант удалился.

В ожидании заказа женщина извлекла из сумочки небольшую книжицу и, приблизив её к свече, принялась читать.

Нас обслужили одновременно. Женщина отложила книгу, проворно и легко заработала ножом и вилкой. Взгляды наши встретились – таиландка-японка улыбнулась мне чёрными, с едва заметной смешинкой, глазами. Мне ничего не оставалось, как ответить взаимностью. Мои губы растянулись в приветливой улыбке. Кивком головы я показал на свой столик, шутливо приглашая женщину перебраться ко мне.

– Нет-нет, – ответила незнакомка.

Я с сожалением развёл руками. На протяжении всей трапезы женщина, однако, неоднократно бросала на меня любопытный взгляд.

После ужина я, обогнув ресторан, как бы случайно, задержался на перекрёстке, откуда хорошо просматривался центральный вход. Я не ошибся, женщина появилась через несколько минут. Поравнявшись со мной, она остановилась и сказала:

– Я вас знаю.

– Откуда? – удивился я.

– Видела на пляже. Вы русский?

– Да, – охотно ответил я. – Может, прогуляемся?

– Пожалуй, соглашусь, – ответила азиатская красавица. –

Как вас зовут?

– Юрий, – ответил я, не называя своей фамилии.

– А меня – Тхеви, – представилась женщина. – Тхеви Бергман.

– У вас очень красивое имя, – подсластил я своей новой знакомой.

– Спасибо, – поблагодарила Тхеви.

Мы вместе спустились к морю, остановились у беседки.

Внезапно налетел свежий ветер, небо заволокло тучами.

– Сейчас пойдёт дождь и будет прохладно, – женщина поднялась со скамейки, подошла к бортику и оперлась на него локтями.

– И давно вы за мной наблюдаете? – любопытствовал я.

– Три дня. Но мои наблюдения носят число случайный характер, ответила Тхеви. – Профессиональная привычка, от неё невозможно избавиться.

– Неужели полицейский? – удивился я.

– Перед вами гражданка Германии, бывший следователь полиции Франкфурта-на-Майне. Но я родом из этих мест. Неподалёку отсюда находится деревня, в ней проживают мои родственники. Я приехала повидаться с ними.

По крыше застучали первые капли дождя, море и небо превратились в один чёрный занавес. В беседке стало ещё сумрачнее, пляжный светильник находился на большом удалении и едва мерцал.

Вы в каком отеле остановились? – неожиданно просила Тхеви.

– Ройал Круз Эй-Ван, – ответил я. – А что?

– Не успеете добежать до него и промокнете насквозь, – сказала Тхеви. – Предлагаю переждать непогоду в моём отеле. Он совсем рядом.

Я был сильно удивлён столь неожиданному предложению и пристально посмотрел в глаза Тхеви, ожидая прочесть в них подвох. Увы, они были игривыми и манящими.

– Отель, правда, дешёвый и невзрачный, но номер вполне уютный, – добавила она томным голосом, давая понять, что мысли мои движутся в правильном направлении. Её глаза разгорелись, как уголья.

В свете фонаря смуглое лицо Тхеви загорелось румянцем – женщина засмушалась от собственных слов.

После недолгих раздумий я принял предложение, и мы совсем скоро были уже в номере. Правда, промокнуть, всё-таки, успели.

Номер был одноместный. Посредине комнаты, у стены стояла большая двуспальная кровать. Рядом с ней – тумбочка и огромное овальное зеркало.

– Снимай с себя мокрую одежду, – распорядилась Тхеви

и подала мне большое махровое полотенце. Сама же отправилась в ванную принять душ, оттуда вскоре донеслось её негромкое пение, прерываемое шумом сильной струи.

Голос женщины был чистый и мягкий, немного грудной.

Я сидел в кресле и рассматривал комнату. Вскоре открылась дверь, в проёме появилась совершенно другая Тхеви – домашняя, в коротеньком халатике, плотно запахнутом и перехваченном на талии пояском. От женщины исходил ароматный запах шампуня.

– Иди, искупайся, – распорядилась она. Фраза прозвучала совсем по-семейному, словно мы были муж и жена, или любовники со стажем.

Тхеви показала туалетные принадлежности и женский халат, в который мне предстояло облачиться, и лукаво подмигнула. Без лишних церемоний я залез под душ.

Увидев меня в миниатюрном халатике, едва прикрывавшем мужское достоинство, Тхеви залилась хохотом. Смех душил её. Схватившись за живот, она упала на кровать. Плы халатика разошлись, я увидел красивые стройные ноги. Женщина поймала мой взгляд, перестала смеяться и, поднявшись с кровати, запахнула халатик.

Потом, подойдя ко мне, тихо и трепетно произнесла:

– У тебя нет желания лечь со мной в постель? Я тебе нравлюсь?

– Да, и даже очень, – ответил я. – Но вот так, сразу?

– А что? У нас в Таиланде интимные отношения namного

упрощены.

Я стоял посреди комнаты в смехотворном виде и глупо улыбался. Тхеви забралась в постель и жестом пригласила меня к себе. Я, словно под гипнозом, прилёг с краю, чувствуя, как внутри меня разгорается огонь неудержимой страсти.

– Обними меня, – попросила Тхеви. – Я давно не спала с мужчиной.

Она протянула руку и погладила меня по лицу.

– Ты действительно хочешь близости? – спросил я.

– Очень, – рука её опустилась мне на грудь. – Уже несколько дней я тайком наблюдаю за тобой.

– Как это? – я приподнялся на локте.

– Не бойся, я не шпионка, – сообщила Тхеви. – Первый раз я увидела тебя на пляже. Ты сидел под зонтом и любовался морем. Я находилась рядом, но ты не обращал на меня никакого внимания. А я всё смотрела и смотрела на тебя. Ты не такой мужчина, как другие, которых я знаю. У тебя мужественное лицо, сильное и красивое тело. Сама того не ожидая, я, словно под гипнозом, залюбовалась тобой.

Тхеви внимательно посмотрела на меня, о чём-то размышляя, затем продолжила:

– Потом я видела тебя ещё несколько раз в городе. Ты был беззаботен и весел, шутил с продавцами.

Тхеви прижалась ко мне и жарко зашептала:

– Я влюбилась в тебя с первого взгляда... Сама не могу

понять, как это произошло... Словно лавина какая-то прокатилась внутри меня, сминая на своём пути все моральные предрассудки. И любовь эту уже не остановить... Я очень сильно люблю тебя, Юрий...

Трепет её тела распалил меня ещё сильнее. Наши руки встретились. Крепко сжав маленькие ладони женщины, я напрягся, чувствуя сильный прилив крови. Сердце заработало учащённо, моё мужское достоинство затвердело в считанные секунды, превратившись в камень, и требовательно упёрлось в бедро женщины.

– Ты готов принять мою любовь? – шёпотом спросила Тхеви.

– Да, я очень хочу тебя, моя экзотическая женщина, – вырвалась из моих уст нелепая фраза.

Тхеви радостно рассмеялась.

Её рука, поглаживая мою грудь, целенаправленно заскользила вниз и уже в следующую секунду ухватила мое твёрдое копьё.

– О-ох-х, – простонала она, сжимая моё пульсирующее орудие своей маленькой ладонью. – Какой он у тебя молодец...

Я стиснул её вздрагивающее тело и принялся целовать шею, плечи, грудь. Охваченный неуёмной страстью, я уже не мог остановиться. Близость восхитительного тела азиатки и дурманящий запах, исходящий от её пышных и чёрных, как смоль, волос, пьянили меня, вызывая в теле судорожные

вздрагивания.

Трепещущая Тхеви пробормотала ещё что-то нечленораздельно, но я не смог перевести эти бессознательные обрывки слов на русский язык. Она прижималась ко мне всё сильнее и сильнее, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. От избытка чувств в предвкушении боготворческого акта ей, как будто, не хватало воздуха, тело смуглянки вибрировало, словно её настиг приступ лихорадки.

Тхеви была восхитительной. Моя рука, совершив по низу живота несколько круговых движений, замерла на чарующем треугольнике между ног. Мой указательный палец безрассудно отправился на поиски заветной жемчужины среди пламенеющих лепестков возбуждённой плоти.

Когда я отыскал миниатюрное сокровище – Тхеви вскрикнула от несказанного наслаждения, и задвигалась в такт моим массирующим прикосновениям.

– Я хочу обладать твоим красавцем... – выдохнула она с жаром и, отстранив хулиганистую руку, завладела моим жаждущим орудием, направив его в огнедышащее жерло своей сокровищницы...

...Воспоминание десятилетней давности, словно фрагмент воспроизведённого видеоролика, в подробных деталях и ярких красках проплыло перед моими глазами и пропало.

Я мельком взглянул на Тхеви – взгляд её был отрешенным и устремлён в невидимую точку на горизонте. Стараясь не тревожить Тхеви, ушедшую, подобно мне, в воспоминания,

я вновь принялся разглядывать окрестности.

Мимо бортов лодки медленно плыли берега с совершенно дикой природой. Зайцы, выбегавшие из кустов, останавливались у самой воды, и, наострив уши на всякий случай, провозжали нас без какой-либо опаски. Несколько раз с громким плеском, словно заправские прыгуны, ныряли в воду отъевшиеся ондатры. Одни лишь утки были более пугливы, чем их сородичи по каналу. Они взмывали прямо из-под носа лодки, вспарывая дружными хлопками крыльев первозданную тишину.

Мне вдруг стало грустно. Высвободив ладони, я взял бутылочку вина, спросил:

– Не выпить ли нам вина, дорогая Тхеви?

– С удовольствием, – подхватила она с радостью.

– За встречу, – сказал я и звонко чокнулся бутылочкой.

Не отрываясь, выпил её содержимое в три глотка.

Путешествие закончилось так, как и планировала Тхеви. За время пути наша лодка причаливала к берегу несколько раз. Мы прогуливались, прыгали, как дети, разминая затекшие мышцы, и радовались долгожданной встрече.

Лодочник причалил к берегу неподалёку от одиночного строения, по российским меркам напоминающего дом егеря закрытого типа. Такие домики предназначались для развлечений высших должностных лиц.

– Что это? – полюбопытствовал я, указав кивком головы на виднеющееся здание.

– Гостевой домик для туристов, – ответила Тхеви. – Сегодня он пустует, его двери распахнуты только для нас.

«Так вот какие дела были у неё в Берлине, – догадался я и улыбнулся. – Нужно было время, чтобы организовать увеселительную прогулку для меня».

Тхеви расплатилась с лодочником, и он, помахав рукой на прощание, отчалил от берега. Два мощных толчка шестом вывели его лодку на середину течения, и вскоре она скрылась за прибрежным кустарником.

Тхеви подошла ко мне вплотную, наши глаза встретились. Взгляд уроженки Таиланда был таким же зазывным и жаждающим, как и десять лет назад. Я не удержался, привлёк Тхеви к себе и впился своими губами в её губы.

Наш поцелуй длился очень долго, насколько хватило дыхания у обоих. Мы отпрянули, жадно хватая воздух.

– Ты всё такой же, как и десять лет назад, – сказала Тхеви.

– Какой? – не удержался я.

– Сильный, красивый и страстный.

– И ты тоже ничуть не изменилась, – отметил я.

Тхеви схватила меня за руку и быстрым шагом повела к домику.

Нас встретил полный мужчина лет шестидесяти пяти. На нём была клетчатая рубашка и короткие брюки с широкими лямками на плечах. Когда-то пышная его шевелюра сейчас сильно поредела, длинные волосы утончились и поседели. Сбившись на затылке в бесформенный пучок, они напо-

минали ком сладкой ваты, которую так обожают дети.

«Вылитый Карлсон, – усмехнулся я про себя. – Сейчас включит свой моторчик и будет кружиться вокруг нас».

Но Хартмут – так звали мужчину, – не включил свой невидимый пропеллер. Он что-то объяснил Тхеви, и, вежливо улыбаясь, покинул дом. Сел в старенькое авто и уехал.

– Ты просто волшебница какая-то, – восхищённо высказался я и, в порыве чувств, вновь привлек к себе Тхеви. Покорно положив голову мне на грудь, она затихла. С минуту мы стояли тихо, словно боялись пошевелиться. Потом, ласково отстранив женщину от себя, я проговорил:

– Всё это здорово, конечно, но зачем было так тратиться ради меня?

– О-о, не бери в голову! Мой муж достаточно богат, для него ничего не стоит выделить мне такую небольшую сумму.

– А если бы он знал, на что ты собираешься потратить его деньги? Как бы повел себя?

– Выгнал бы из дома и отправил жить в Россию, – рассмеялась Тхеви. – И тебе пришлось бы жениться на мне.

– Ты бы и месяц не выдержала моей бедности, – поддержал словесную игру я. – Я гол, как сокол, и к тому же, очень ревнив.

– Не пугайся, Юра, мой муж Йорг ни при каких обстоятельствах не отпустит меня от себя. Он безумно любит меня, и готов простить даже измену.

– А ты его любишь?

– К Йоргу я очень привязалась, и сейчас не мыслю что-либо поменять в своей жизни. А любимый мужчина у меня один. Правда, я не смогла ждать его до бесконечности.

Я положил руку на хрупкое плечико Тхеви, тихо произнёс:

– Ты правильно поступила... С Йоргом тебе спокойно и благодатно. А со мной одни проблемы.

Мой ответ ничуть не смутил Тхеви, иного она и не ожидала. Ещё в Паттайе ей стало понятно, что вспыхнувшая в её сердце любовь не будет взаимной. Ни через месяц, ни через год.

– При встрече с тобой у меня вырастают крылья. Я взлетаю ввысь и испытываю там состояние неопишемого блаженства. – Тхеви грустно улыбнулась. – Зато потом я долго падаю в холодную бездну.

– Давай не будем говорить о грустном. Оставим свои чувства при себе, хорошо? – Я вопросительно взглянул на женщину. – Мне кажется, ты думала о празднике, когда планировала этот замечательный пикник?

– Ты прав. Грустно будет завтра, а сегодня у меня праздник. Иди за мной.

Тхеви провела меня в просторный холл, посредине которого располагался небольшой бассейн. Сбоку от него была сауна, рядом с которой приклеилась комнатка для переодевания. В углу напротив, стоял стол с напитками и едой. За ним шла деревянная лестница на второй этаж. По всей вероятности, там была спальня.

– Как тебе? – спросила Тхеви. Глаза её сияли от счастья и предвкушения.

– Ты погружаешь меня в сказку, я чувствую себя в неведомом виртуальном мире, – восторженно отозвался я.

– Тогда освобождай себя от тесных доспехов, и, вперёд, в сауну, для очищения души и тела.

А дальше действительно всё происходило, как в виртуальном мире. Была горячая сауна и освежающий бассейн, в котором мы барахтались и дурачились, соприкасаясь обнажёнными телами, а минуту спустя превращаясь в одно целое. Потом с ребячьим визгом вновь устремлялись в раскалённое пространство и вновь растворялись друг в друге, чувствуя себя в этот миг словно в ином временном пространстве. Будто вселенский разум омолодил наши души и тела, предоставив возможность возвратиться в прошлое. Мы оба очень не хотели, чтобы наша бесстыдная оргия никогда не кончалась.

Потом мы переместились за стол, пили старое французское вино, громко провозглашали тосты, закусывали мясом, которое приготовил Хартмут-Карлсон. И только когда старинные настенные часы известили о полночи, мы поднялись на второй этаж в спальню.

Я лежал на спине, голова Тхеви покоилась у меня на груди.

– Когда ты в следующий раз приедешь в Германию? – спросила она шёпотом.

– Месяца через три, когда буду принимать оборудование.

– Мы ведь снова встретимся, правда?

– Обязательно, если появится такая возможность, – ответил я, не желая обидеть женщину отрицательным ответом. Ещё сидя за столом, я принял для себя решение: эта встреча будет последней. Мне показалось, что я ворую любовь у мужа Тхеви. Что бы она не говорила, как бы убедительно не заклинала меня, решение я принял окончательное. Не следует возвращать рога на голове порядочного мужчины. Семейная драма вовсе не воодушевляла меня.

– Скажи, как ты меня нашёл? – спросила Тхеви. – Отыскать иголку в стогу сена чужой страны не так-то просто. Кто тебе помог?

– Представитель компании, с которой у меня заключен контракт на поставку оборудования.

– Чем он раньше занимался? Где служил?

– Почему ты об этом спрашиваешь? – удивился я.

– После воссоединения Германии многие работники госбезопасности бывшей ГДР подались в бизнес.

– И что из этого следует?

– Для достижения своей цели они не брезгают ничем. Мошенничество, вербовка, экономический шпионаж и множество других способов, которыми они владеют в совершенстве.

– Почему ты мне об этом говоришь?

– Мне кажется, твой представитель один из таких людей. Поэтому, будь с ним предельно осторожен, он может прибегнуть к любым ухищрениям, чтобы продвинуть свой бизнес в

Россию. Восточным немцам трудно конкурировать с западными бизнесменами. У них один путь – на восток.

Я задумался над словами Тхеви.

– Спасибо, дорогая, за предостережение, – поблагодарил я и чмокнул женщину в щёку. – А теперь давай спать. Завтра много серьёзных дел.

– Давай, – покорно согласилась Тхеви и крепко прижалась ко мне.

Утром мы расстались. Прощание было в точности таким, каким его запомнил я, покидая Паттайю.

Глаза женщины наполнились слезами, она приподнялась на цыпочки и торопливо поцеловала меня.

– Удачи тебе, Юра. Да храни тебя Бог. Пообещай мне, что будешь звонить.

– Обещаю, – дрогнувшим голосом произнёс я и покинул гостеприимный дом. У входа меня ждало такси. О нём опять успела позаботиться Тхеви.

Через два дня я улетел в Россию.

Доктор для Джоанны

В Берлин я прилетел ночью. В аэропорту меня встретил представитель фирмы «Тролл» Петер Брандт. Мы обнялись, как закадычные друзья, хлопая друг друга по спине.

Петер был старше меня на пять лет и хорошо говорил по-русски.

– Как долетел? – спросил он и подхватил мою спортивную сумку.

– Нормально, – ответил я. – Полет прошёл без происшествий.

Мне стало неловко от учтивости немца, я попытался воспротивиться непривычной для меня любезности и потянул ремень сумки на себя.

– Позволь, Петер, я сам понесу.

– Ты не доверяешь мне? – рассмеявшись, поинтересовался мой немецкий партнёр. – У тебя там что-то хрупкое? Или очень ценное?

– Ни то, ни другое, – смущённо ответил я.

– Тогда не стоит беспокоиться. Доставлю твой багаж к машине в полной сохранности.

Брандт подошёл к чёрной «Ауди», у которой нас ждал худощавый пожилой немец высокого роста.

– Знакомься, – сказал Петер. – Это Гюнтер, мой коллега и водитель в одном лице.

– Очень приятно, – я протянул немцу руку, представился:

– Сергей Волков.

– Мой коллега не говорит по-русски, – сообщил Петер. –

И по-английски тоже. Но это не беда, вы будете понимать друг друга без слов. Он что-то произнёс на немецком языке, после чего Гюнтер рассмеялся.

– Что ты ему сказал? – спросил я.

– Предложил за ночь освоить телепатические способности, иначе его ждёт увольнение.

Я взглянул на Гюнтера, тот вновь рассмеялся. Потом взял сумку и поместил в багажник.

– Надо ехать, – сказал Петер и предложил мне, как гостю, занять место на переднем сиденье.

Через несколько минут машина на большой скорости уже неслась в сторону небольшого городка, расположенного неподалёку от Берлина. Там у Брандта имелся небольшой особняк, в нём он проживал со своей супругой. Рядом располагался маленький двухэтажный отель, в котором мне предстояло переночевать.

Одноместный номер, забронированный для меня, был небольших размеров, но очень уютный. В нём имелось всё самое необходимое для проживания. Даже небольшой мини-бар был вмонтирован в тумбочке под телевизором. Петер собственноручно продемонстрировал его содержимое.

– Можно воспользоваться после душа, – с улыбкой подмигнул он, встряхнув на ладони стограммовую бутылочку

водки. – Чтобы четырёхчасовая разница во времени не повлияла на твой сон.

Пожелав спокойной ночи, Брандт покинул номер.

Я принял душ, выпил баночку пива, и, распаковав плотный конверт из одеяла, нырнул в постель.

Разница часовых поясов действительно сыграла злую шутку. Биологические часы сработали безукоризненно. Я проснулся с удивительной точностью в то время, к которому был приучен мой организм. Долго лежал, разглядывая интерьер, не зная, как скоротать время.

Наконец, встал, прошёл в ванную комнату, привёл себя в порядок и спустился в ресторанчик на первом этаже.

Меня встретила опрятно одетая блондинка лет сорока. Немка была статной и неторопливой в движениях. Крупная грудь выпирала из разреза на платье. Короткие рукава обрамлены белоснежными манжетами, такой же белизны покоился на шее широкий кружевной воротник. Длинные светлые волосы были уложены аккуратным клубком на затылке и скреплены двумя крупными заколками по бокам.

– Гутен морген, – произнесла женщина, заведя меня в зале, и сделала шаг навстречу. Чистейшей голубизны глаза немки игриво сверкнули.

– Гутен морген, – незамедлительно ответил я, поражаясь удивительно белой оболочке глаз.

– Кафи, ти? – спросила хозяйка ресторанчика по-английски.

– Блэк ти, – ответил я, продолжая нелепо торчать на одном месте.

– Битте, битте, – пригласила немка, указывая на закуски маленького шведского стола, расположенного в углу зала, и залопотала что-то по-немецки, не переставая улыбаться.

Я налил стакан сока, положил на тарелку пластинку сыра, две маленьких сосиски, кусочек хлеба, водрузил в специальную вазочку варёное яйцо, в два приёма переправил всё это на столик и принялся завтракать. Немка принесла чай, поставила на край, не забыв при этом обнажить в улыбке ровные белоснежные зубы. Я поблагодарил женщину молчаливым поклоном.

Едва я успел закончить трапезу, как в зале появился Гюнтер. Перебросившись несколькими фразами с хозяйкой ресторанички, он стремительным шагом направился к моему столику. Поздоровавшись, Гюнтер приблизил к моему лицу руку с большими швейцарскими часами. Проведя пальцем по окружности циферблата от неподвижной минутной стрелки, застывшей на цифре три, он остановил его на цифре шесть и показал в окно. Я понял, что через пятнадцать минут мы должны покинуть отель.

– Гут, – сказал я и отправился в номер. Быстро собрал свои вещи и уложил в сумку. Мне почему-то было жаль покидать этот скромный отель с домашним уютом. Может быть, оттого, что отель был немногочислен, и тишина благотворно подействовала на меня, а может, в душу запала госте-

приимная хозяйка с большими глазами цвета ясного неба.

Прожив холостяком два десятка лет, я в последнее время стал замечать, что красивые женщины с первого взгляда порождают во мне непреодолимую плотскую страсть. Кровь, словно по мановению незримой руки, начинала вскипать, сладостно толкаясь по жилам. Возникающее чувство неужеримо толкало меня на достижение цели: я дарил цветы, делал подарки, приглашал на ужин. Это срабатывало, женщина в конечном итоге оказывалась в моих объятиях. Но, странное дело, когда бурная ночь истекала, я охладевал к избраннице, будто трезвел. Почему так происходило – объяснить не мог. Однажды поделился своими мыслями с другом. Тот рассмеялся и сказал:

– Это инстинкт самца, Серёга, что тут непонятного? Природа наделила тебя завидной любвеобильностью, только и всего. Радоваться надо, что в таком возрасте тебя привлекает каждая юбка. Джеймс Бонд не задумывался ни о чём, когда укладывал в постель красоток. И не мучился совестью при расставаниях с ними. Так что, следуй его примеру и не дёргайся понапрасну. Твой организм сам подскажет тебе, когда следует остепениться. При закоренелой холостяцкой жизни всё позволительно. Люби красавиц, мой друг, люби на зависть импотентам.

Гюнтер подогнал машину к воротам особняка Брандта. Тот уже ждал их. В двух шагах позади него стояла женщина. Она была как две капли воды похожа на хозяйку ресторан-

чика в отеле. Я вышел из машины, поздоровался с Петером, отвесил поклон женщине.

– Моя супруга, – представил свою вторую половину Петер. – Её зовут Криста.

Женщина подошла ближе, протянула мне руку.

– Очень приятно, – произнёс я, слегка пожимая тонкую ухоженную ладонь Кристи, и заглянул ей в глаза. Они были такими же ярко-голубыми, как у женщины в отеле. Я насмелился спросить у Петера:

– Скажи, не родственницу ли я видел сейчас в отеле? Уж сильно похожа она на твою Кристу.

– Это её младшая сестра Джоанна, – ответил Петер с улыбкой. – Она владеет отелем, в котором ты останавливался. Криста помогает ей, когда в отель прибывает много гостей. Тебе понравилась Джоанна?

– Красивая женщина, – ответил я.

– Ты ей тоже понравился, я в этом не сомневаюсь, – отметил Петер и многозначительно посмотрел Гюнтеру в лицо. Что означал этот взгляд, мне было непонятно, но я счёл промолчать.

– Сейчас мы едем в «Берлинвассер», там нас ждёт господин Белзел, – сообщил Брандт, как только Гюнтер вырулил на основное шоссе. – Он проведёт экскурсию по заводу, покажет, как работают модули на очистке производственных стоков.

– У меня будет возможность ознакомиться с документа-

цией? – поинтересовался я.

– Несомненно. Ты сможешь получить любой документ, который тебя интересует.

– Изготовление установки ведётся в Берлине?

– Нет. Комплектация для испытаний проводится во Франкфурте на Майне. Послезавтра нам предстоит туда отправиться. Ты должен участвовать в испытаниях отдельных узлов, тебе нужно будет подписывать акт.

– Сколько времени мы там проведём? – спросил я.

– Дня три, четыре. Всё будет зависеть от результатов испытаний. Раньше такие работы проводились в Антверпене, там был наш филиал. Сейчас всё оборудование перевезли во Франкфурт.

Весь день до позднего вечера я посвятил изучению работы модульной фильтрационной системы. Переодевшись в рабочую одежду и вооружившись инструментом, я принялся вскрывать резервное оборудование самостоятельно, заглядывая вовнутрь, познавая механизм работы отдельных узлов.

Вечером приехал Гюнтер, отвёз меня в ресторан поужинать, где нас ждал Брандт.

– Ну как, освоил профессию наладчика? – шутливо спросил Петер.

– Освоил, коллега, освоил. Не вижу ничего смешного в моих действиях, – недовольно проговорил я. – Между прочим, я таким способом косвенно помогаю продвигать про-

дукцию вашей фирмы на российский рынок.

– Как это? – в недоумении спросил Брандт.

– Очень просто, – усмехнулся я. – Технология очистки воды с помощью модулей фирмы «Тролл» впервые будет использована в России. Немногие технические руководители, как я, осмелятся рисковать своей репутацией, покупая котла в мешке. Я это знаю точно, можешь поверить мне на слово. Для покупателя нужна безупречная доказательная база, что установка работоспособна, а её приобретение экономически выгодно. Как думаешь, к кому обратится россиянин за такой информацией? К тебе или ко мне?

Брандт долго молчал, сосредоточенно орудуя вилкой в салате. Потом, подняв глаза от тарелки, неожиданно спросил:

– А не выпить ли нам водки?

– Чтобы лучше понять друг друга? – усмехнулся я.

– Да, да, чтобы лучше понять друг друга.

Петер поднял со стола маленький зелёный флажок и взмахнул им несколько раз. Заказ блюд и напитков в этом необычном ресторане напоминал некую игру с использованием детской железной дороги. Рельсы были подведены к каждому столику. В конце зала находился диспетчерский пункт. За пультом восседала женщина в форме железнодорожника. Получив от посетителя сигнал флажком, она отправляла к его столику паровозик с несколькими вагончиками. Клиент опускал карточку заказа и нажатием кнопки отправлял паровозик обратно к диспетчеру. Когда заказ был

готов, паровозик, взрывая тишину пронзительным гудком, доставлял его заказчику. Всё выглядело так забавно, что люди на некоторое время превращались в детей.

– Да, ты прав, Сергей, – с большим запозданием ответил Брандт. – Люди пойдут к тебе. Твоё слово для них будет более убедительным, чем моё. Русский менталитет. Семь раз отмерь – один раз отрежь. Вы, русские, привыкли всё щупать руками, и только потом принимать решения. В России я имел возможность неоднократно убедиться в этом.

– Это хорошо или плохо?

– Не берусь судить. Что немцу хорошо – плохо русскому, и наоборот. Традиции и привычки народов формируются веками.

– Вот представь, Петер, смонтируют твои люди модули, сдадут мне их по акту и уедут восвояси. Случись внезапный сбой в работе какого-нибудь узла в агрегате, к кому мне обращаться? – я внимательно посмотрел в глаза Брандту. – Правильно. Придётся засучить рукава и устранять неполадки самостоятельно.

– Сбоев не должно быть, – возразил Брандт. – Всё оборудование работает в автоматическом режиме в соответствии с заложенной программой.

– Ты правильно говоришь, дорогой Петер. В вашей Германии всё так и будет. А у нас в России могут возникнуть такие непредвиденные обстоятельства, которые программа не предусматривает. Вот я и хочу сам познать назначение каж-

дого винтика.

Брандт внимательно посмотрел на меня, сказал:

– Тебе виднее, Сергей. Пожалуйста, крути гайки, щупай внутренности, если для тебя это так важно. С моей стороны не будет препятствий. Завтра у тебя будет такая возможность. А сейчас давай выпьем за взаимопонимание.

– Давай, – согласился я, поднимая маленькую рюмку, похожую на напёрсток.

На следующий день мне выделили помощника, который владел английским языком. Он работал по ремонту и обслуживанию фильтров с момента их появления в промышленности, знал все тонкости работы. Я остался довольным от общения с ним.

Вечером опять подъехал Гюнтер на чёрной «Ауди», передал записку от Петера.

«Прошу извинить, что не могу с тобой поужинать. Появились срочные дела. Гюнтер получил от меня все инструкции, доверься ему. Во Франкфурт отправишься завтра. С уважением, Петер», – говорилось в записке.

– Куда мы едем? – спросил я у Гюнтера, забыв на мгновение, что тот не понимает по-русски. Сообразив, что это вопрос в пустоту, я безнадёжно махнул рукой и всю дорогу молчал, поглядывая в окно.

Машина остановилась у отеля, в котором мне пришлось заночевать по прибытию в Германию. Почему Петер направил меня сюда, спрашивать было бесполезно. Гюнтер вышел

из машины и жестом руки пригласил меня следовать за ним. В отеле нас встретила Джоанна и, к моему удивлению, проговорила по-русски, правда, с большим акцентом:

– Петер сегодня занят, по его просьбе я вас буду развлекать, – глаза очаровательной немки загадочно блеснули.

– Вы неплохо говорите по-русски, – похвалил я. – Почему так тщательно скрывали от меня свои способности?

– Я не знала, что вы из России, – ответила Джоанна в своё оправдание. – И Петер прежде ничего не говорил мне о вас.

– А в вашем отеле, конечно же, не принято заводить разговор с неизвестными людьми, – улыбаясь, продолжил я.

– Да, это так.

– И как вы собираетесь меня развлекать? Вы ведь не сможете оставить без внимания других гостей, не так ли? И ещё, как мне кажется, они без вас просто погибнут, – отвесил комплимент я, заметив, как увлажнились бездонные глаза Джоанны.

– Сегодня в моём отеле нет постояльцев, кроме вас, – тоном голосом ответила хозяйка. – И до утра никаких гостей не ожидается.

Джоанна остановила на моём лице обещающий взгляд.

«Она явно запала на меня, – подумалось мне. – Интересно, что же надумала эта немецкая хищница? И как вообще вести себя в подобной ситуации? Это ведь не Россия – родная страна, где каждый свой шаг всегда предсказуем. Здесь иностранное государство с совершенно другими законами.

Что, если мои плотские порывы будут расценены, как посягательство на честь и достоинство немецкой женщины? Возьмёт эта красавица, да и обратится в полицию. Вот загадка, чёрт возьми! А вдруг Петер всё это подстроил преднамеренно, надумав собрать на меня компромат, а потом использовать в корыстных целях?»

После ужина Джоанна предложила прогуляться по посёлку. Я согласился, не раздумывая.

Женщина оказалась словоохотливой современной спутницей, обладающей большой эрудицией. Первоначальная скованность между нами быстро улетучилась. Мы бродили по тихим улочкам посёлка и непринуждённо болтали обо всём. Из рассказа Джоанны следовало, что детство её прошло в восточном Берлине. Родители работали на территории одной из советских воинских частей, часто брали её с собой. Она подружилась с детьми советских офицеров, научилась говорить по-русски. В России не была ни разу, о чём очень сожалеет. В Берлине получила высшее образование, стала психологом. После демонтажа знаменитой «стены», устроилась на работу в западном Берлине. Там повстречала будущего мужа, но супружеская жизнь не сложилась. После пяти лет брака они с мужем мирно расстались. От мужа ей достался отель.

– Так вот и живу в одиночестве, детей мне Бог не дал, – с грустью закончила повествование о себе Джоанна.

– С трудом верится, чтобы у такой импозантной женщины

не нашлось больше поклонников, – осторожно заметил я и заглянул в глаза Джоанны.

– Напрасно вы думаете, что красивая женщина не может быть одинокой, – сказала Джоанна с грустной улыбкой на лице. – Одиночество – это болезнь. И если оно принимает затяжной характер – наступает апатия. Тогда лишь избранный поклонник способен стать её доктором.

При слове «доктор» на её лице скользнула какая-то странная усмешка, она умолкла на несколько секунд.

– И даже такие мимолётные встречи не всегда вызывают в душе женщины положительные эмоции, – продолжила Джоанна. – Разве у мужчин всё происходит иначе?

Я молчал, затрудняясь ответить. Отчасти я был согласен со своей спутницей. В мыслях тут же пролетели все годы собственного одиночества. Действительно, если бы не работа, которая занимала у меня большую часть времени, то неизвестно, как бы воспринималось мною это одиночество. И на счёт мимолётных встреч Джоанна была права на все сто. Они приносили мне лишь физическое облегчение, оставляя в душе всё ту же исчезающую пустоту. Тяготение к противоположному полу у мужчин, наверно, выражено более ярко, чем оно проявляется у женщин. Поэтому и мимолётная близость воспринимается мужчиной, как необходимая потребность, как утоление некоего голода.

– А вы женат? – спросила Джоанна после длительного молчания.

– Нет, я одинок, как и вы. Вот уже более двадцати лет.

– У вас есть дети?

– Да, есть. Дочь и сын. Они взрослые и у них своя жизнь. Мы обошли весь посёлок и вернулись в отель.

– Ну, вот мы и пришли. Спасибо за прогулку, – бодрым голосом произнёс я. – В каком номере мне сегодня предстоит коротать ночь? В том же самом, что и в прошлый раз?

Джоанна развернулась лицом ко мне, наши глаза встретились. Она долго смотрела пронзительным гипнотизирующим взглядом, будто читала мои потаённые мысли. Потом, очевидно, приняв для себя какое-то нелёгкое решение, произнесла завораживающим полушёпотом:

– Сам Бог подарил нам эту ночь...

Внутри меня словно что-то дрогнуло от этих слов, по телу прокатилась горячая волна, а сознание словно притупилось. Джоанна взяла меня за руку и повела на второй этаж. Там, в конце коридора, располагалась её комната. Впервые я шёл за женщиной, как телок на верёвочке.

Ночь с Джоанной была бурной и казалась бесконечной. Пожар в её истосковавшемся теле бушевал жарким огнём и не желал утихать ни на минуту. Она ласкала меня с какой-то жадной торопливостью, поражая своим раскрепощением, словно боялась скоротечности ночи, которой ей может не хватить. Устоять перед её страстными натисками и фантастическими порывами было невозможно. Моё тело, точно оживший вулкан, раз за разом содрогалось в сладостных

конвульсиях, выбрасывая из жерла этого вулкана порции горячей лавы...

Только под утро, когда рассвет робкими бликами начал разливаться по комнате, она затихла, положила свою голову мне на грудь и прикрыла веки. Так, в полном молчании, мы пролежали не менее четверти часа.

– Спасибо тебе, доктор, – произнесла Джоанна шёпотом, первой нарушив царящую в номере тишину. Она обхватила мою голову всё ещё горячими ладонями и нежно поцеловала в губы. Потом поднялась и отправилась в душ.

Минут через десять послышался звук хлопнувшей входной двери. Я остался в комнате один. Лежал, не шевелясь, размышлял.

Что это было? Блажь, затмение, гипноз, происки сатаны, или очередной кураж в подражание Джеймсу Бонду? Почему я сейчас лежу, не в силах даже пошевелиться, и чувствую себя так, будто всю ночь разгружал вагоны? Было непонятно, что заставило меня так иступлённо, как никогда ещё в своей жизни, держать в объятиях эту незнакомую женщину? Неужели любовные фантазии Джоанны, наполненные развратом, всецело захватили меня и понесли по безумному руслу неудержимой страсти? Или же взяло верх давнее любопытство: на что способен мужчина в атмосфере откровенной близости, когда между ним и женщиной отсутствует скованность и стеснительность, когда исполнению любой заоблачной фантазии не мешают нравственные границы? Я ле-

жал и не хотел признаться себе, что все женщины, с которыми я встречался раньше, не обладали такой беспредельной смелостью и неземной страстью, которая исходила от Джоанны. Я невольно задумался, размышляя о причинах, по которым, вероятно, эта женщина предпочитала жить в одиночестве. По всей видимости, рутинный супружеский долг, который исполнял её бывший муж, не способен был принести женщине полного удовлетворения. Её душа нуждалась во взрыве неопишуемых эмоций, ей нужен был яркий всплеск, который бы наполнял её радостью и счастьем каждый день. Открыться перед мужем в своей порочной страсти она, скорее всего, не отважилась, и приняла решение расстаться с ним. Её неуёмный темперамент требовал мужчину-супермена, самца. Такого «доктора» она стала присматривать в своём отеле – так ей было проще реализовывать потаённые страсти, не опасаясь осуждений. Одного из таких «докторов» Джоанна, вероятно, разглядела во мне.

Через час я покинул комнату и спустился в ресторан. Джоанна неторопливо хлопотала на кухне. Увидев меня, замерла, на её лице выступил румянец.

– Guten morgen, – поздоровался я и прошёл к столу, где меня ждал завтрак. Я повёл себя так, словно между нами ничего не произошло.

– Guten morgen, – запоздало ответила Джоанна, не сходя с места. В её глазах не было того загадочного блеска, который я заметил при первой встрече. Лицо женщины показалось

мне печальным и каким-то безжизненным.

«Что это с ней? – подумал я с недоумением. – Неужели обиделась на меня? Но за что? Ведь я исполнял все её прихоти. Стоп! Может, она просто влюбилась в меня?»

Я хотел заговорить с ней, но тут в зале появился Гюнтер. Немец что-то сказал Джоанне, та без промедления исчезла в боковой двери и больше не появлялась. Мне ничего не оставалось, как встать и направиться к выходу.

Гюнтер был мрачен и всю дорогу до Франкфурта молчал. Молчал и я. Смотрел в окно и продолжал размышлять о Джоанне. В моих ушах до сих пор стояли её сдавленные стоны, вскрикивания от переизбытка чувств, я явственно ощущал на себе судорожные вздрагивания её напряжённого тела. Интересно, знает ли Петер о слабостях Джоанны? Наверняка знает. Ко мне почему-то пришла даже уверенность: Петер умышленно поручил Гюнтеру отвести меня к сестре своей жены. Только с какой целью? Развлечь холостяка или помочь несчастной женщине с очередным «доктором»? Скорее всего, предприимчивый Брандт решил оба вопроса одновременно.

«Что это я вдруг принялся переживать? – подумал я. – Веду себя так, словно совершил какое-то преступление. Женщина сама выбрала меня для своих утех, что тут особенного? Я исполнил её каприз, покувыркался в немислимых позах, будет о чём вспомнить. На себе испытал, какой неудержимый темперамент существует у отдельно взятых женщин,

заодно и проверил порох в своих пороховницах. Дыши ровно, Серёга. Благодарю судьбу за предоставленный подарок».

Я запрокинул голову на подголовник, отбросил все мысли и тут же уснул.

Гюнтер толкнул меня в бок, когда «Ауди» проезжала по улицам Франкфурта на Майне. Он показал указательным пальцем на свои глаза, потом ткнул им в окно, и затем уже поднял вверх большой палец. Я понял, что следует посмотреть на город, за окном можно увидеть много интересного.

«Скоро обучусь языку глухонемых», – усмехнулся я и посмотрел на часы. Я проспал, откинувшись на сиденье, почти пять часов, не просыпаясь.

Офис завода по изготовлению модулей располагался на окраине города. Петер, как всегда, был в хорошем настроении. Я встречался с ним уже много раз и не мог припомнить случая, чтобы тот был угрюмым хотя бы на несколько минут. Брандт отличался весёлым нравом, много шутил, был подтянут, имел безукоризненный вид преуспевающего бизнесмена. Поздоровавшись за руку, он обнял Меня, спросил:

– Как твои дела? Проблем не появилось в моё отсутствие?

Вопрос прозвучал с такой интонацией, будто Петер был информирован о каждой минуте пребывания меня в отеле. По крайней мере, так показалось мне, когда он заглянул в прищуренные, чуть смеющиеся глаза немецкого партнёра.

– Всё было просто замечательно. Джоанна не дала мне скучать, – ответил я, глядя в лицо Брандту, и добавил:

– Она о-очень интересный собеседник.

– Да, Джоанна профессиональный психолог, умеет подбирать ключик для общения. – Петер на несколько секунд задумался о чём-то, потом, посмотрев на часы, деловито сказал:

– Ну что же, сейчас перекусим в ближайшем ресторане и приступим к работе. На заводе нас уже ждут.

За два дня весь запланированный объём работы был выполнен, модули прошли испытания, я подписал акт приёмки.

Вечером Гюнтер отвёз меня в отель. Я принял душ, переоделся, спустился вниз. В ресторане состоялся прощальный ужин. Петер пригласил ещё несколько своих коллег. Было много тостов и комплиментов в мой адрес, я произносил ответные слова, выдал даже пламенную речь о процветании взаимоотношений наших стран.

Всем было весело, кроме меня. Странное дело, но с каждым новым тостом и комплиментом мне становилось отчего-то всё грустнее. Я выпил немало водки, но, к своему удивлению, был трезв, как стёклышко, и чувствовал себя неуютно в обществе пьяненьких партнёров.

Немцы были веселы, смеялись по любому поводу, а я всё больше замыкался в себе, нажимая на водку. Мне казалось, что, увеличив дозу, я смогу настроить себя на одну волну с хозяином вечеринки. Однако, как это ни странно, достичь такого же настроения, как у него, мне не удалось.

Я с большим трудом дождался окончания застолья и,

спешно попрощавшись с немецкими друзьями, отправился в номер.

«Странная командировка! – думал я, лежа в постели. – Работа закончена, я доволен проделанной работой и возвращаться домой должен с большой радостью. А её, этой привычной для меня радости, я впервые не испытывал. В моей трудовой деятельности было много командировок – длительных и коротких, но ни разу я не возвращался домой с тоскливым чувством. Что за напасть?»

Впервые я испытывал какую-то необъяснимую грусть. Казалось, какой-то невидимый червь глодал меня изнутри. Я не мог объяснить себе, что со мной происходит.

Долго лежал, не шевелясь, размышлял, возвращаясь мысленно к каждой встрече с иностранными партнёрами. Воспроизводил в памяти каждую произнесённую фразу, каждое слово, которое могло бы вызвать во мне столь негативную реакцию.

И лишь когда перед глазами всплыло лицо Джоанны, я вдруг отчётливо понял, отчего у меня такое скверное состояние.

«Я уеду отсюда навсегда, и мы никогда уже не встретимся, – начал размышлять я. – Я уеду, а ОНА останется, забудет обо мне и начнёт высматривать для себя нового «доктора».

Для меня, успешного человека, не знающего поражений на любовном фронте, неожиданно появилось ощущение некой утраты. Это было необъяснимо. Расставание с совер-

шенно незнакомой иностранкой после мимолётной встречи оказалось, почему-то, более чувствительным, чем все прежние разлуки, через которые мне довелось пройти. Что это? Ревность? Но разве может она зародиться после короткой и случайной встречи?

Я лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, и никак не мог найти ответа.

«Что за чертовщина! – думал я. – Откуда во мне появилась такая сентиментальность? Никогда ранее не испытывал такого незнакомого щемящего чувства. Может быть, это водка сыграла со мной такую шутку? Перебрал и расслонявился? Бывает такое явление у мужиков.

И вдруг ко мне пришла неожиданная мысль: что если мне ещё раз посетить Германию? Мысль была спасительной, она вначале даже обрадовала меня. Я представил на миг Джоанну в своих объятиях, увидел заново её счастливые глаза, горячие нежные губы, ласковые ладони, её податливое тело и... тут же отогнал наплывшее видение.

«Зачем? Для чего? Ты что, Серёга, юнец, впервые испытывавший женщину, из-за чего готов незамедлительно на ней жениться? Выбрось эту Джоанну из головы! Забудь, как ненужный сон! К тому же, не могу же я, чёрт возьми, приехать к ней в Берлин и сказать: здравствуй, вот и я! Полная чушь, пьяная фантазия!

Я повернулся на бок и попытался заснуть. Но ни водка, не медитация, к которой я иногда прибегаю, не помогли.

Джоанна не выходила из моей головы.

Ночь показалась мне длинной и была очень мучительной. Я ворочался с боку на бок, вставал, расхаживал по комнате, снова ложился, но сон не приходил.

Не выспавшийся и больной, я вызвал такси и отправился в аэропорт.

Укрощение рыжей шельмы

Со Светланой судьба свела меня случайно.

В последних числах сентября я вернулся из стройотряда, заработав кучу денег. Через несколько дней начинался первый семестр четвёртого курса обучения. Нам с друзьями было не до учёбы – деньги жгли ляжку. После каторжного труда от рассвета до заката на севере страны хотелось сладкого, горького и перчёного одновременно.

Началась загульная жизнь.

Мы – трое неразлучных друзей – передвигались по городу только на такси, не вылезали из ресторанов, возвращаясь в общежитие за полночь. Отсыпались до полудня, а вечером всё повторялось.

Коньяк и шампанское лились рекой, на наших коленях с завидной постоянностью восседали размалёванные хмельные девицы. Их мы снимали в ресторане и вели в общагу. Утром вкладывали в ладони жриц по трёшке на мотор и отправляли восвояси.

Претензий девицы не имели, ненужных вопросов не задавали.

Так продолжалось пару недель, пока в любовную сеть моего друга не попала ушлая особа. Этой особой оказалась Светлана Курбатова. В день знакомства она с подругами отмечала день рождения. Столик у них был накрыт на четы-

ре персоны и мужского пола не ожидалось.

Мы молчаливо потягивали пиво за соседним столиком и периодически поглядывали в их сторону.

– Вот что я вам скажу, братишки, – нарушив молчание, проговорил Колян Горев. – Не пора ли нам кисленькое сменить на сладенькое.

Мы с Мишаней Кобриним переглянулись в недоумении. За три года знакомства и крепкой дружбы нас не удивляла речь Коляна, начинаемая непременно с аллегорий.

Горев, выдав одному ему понятную фразу, обычно умолкал и начинал пояснения лишь после определённой паузы. На сей раз его пауза затянулась.

Колян, не отрываясь, всматривался в лица девиц. Наконец, он перевёл взгляд на нас с Мишаней, назидательно произнёс:

– Пора завязывать с шалавами и переходить к общению со светскими дамами.

Колян был старше нас с Мишаней на два года, и это давало ему негласное право верховодить «салагами». К тому же, при своём росте в 189 см я был ниже Горева «аж на 2 см», а Мишаня на 5 см отставал от меня. Нашу троицу знали, как Горе, Кобра и Орёл и побаивались не только в общаге, но и в институте. Я и Мишаня отслужили в ВДВ, Колян в морской пехоте. Все трое умели хорошо и красиво драться, потому что владели приёмами рукопашного боя.

– Где ты их увидел? – спросил Мишаня.

– Там, куда ты постоянно пялишься, – ответил Колян. – У меня глаз-ватерпас, отклонения от горизонта определяю с точностью до градуса.

– Почему ты решил, что они светские?

– А ты глянь, во что дамы одеты, какое вино на столе, обрати внимание на букет. Не какие-то зачуханные бутоны из сада, а целая охапка роз. Это говорит о многом. И ещё рекомендую внимательно прислушаться к их дивным речам.

Мы последовали совету Коляна, наострили уши и уже через пару минут были согласны с утверждением друга. Дамы действительно выглядели порядочными.

– А на кой хрен они нам сдались? – задался вопросом Мишаня, отхлебнув большой глоток из стакана. – Весь вечер сидеть с этими куклами и напрягаться, чтобы не ляпнуть непотребных слов? А потом волочиться за недотрогой неделю, ради того, чтобы разок чмокнуть её в напудренную щёчку? Нет, братцы, я лично за то, чтобы оставить всё, как есть. С шалавами мне проще. Погуляем ещё недельку, а там надо браться за учёбу.

– Я тоже за то, чтобы не клеить этих барышень, – высказал я своё мнение. Видишь, в углу сидят две фифочки? Вот их и будем сегодня лохматить. Самый надёжный вариант.

– Ну, что я вам на это отвечу, братаны? – растягивая слова, проговорил Колян. Ресторан – не штаб батальона, и я вам здесь не командир, чтобы приказывать. Поступайте, как хотите, а я сегодня однозначно займусь одной из этих четырёх

куколок.

Горев ещё раз внимательно и уже оценивающе прошёлся взглядом по каждой из дамочек, потом добавил:

– Вон той, что с каштановой копной на голове.

Мы с Мишаней поняли, что легче уговорить льва не есть мясо, чем отговорить Коляна от его затеи. Загоревшийся глаз Коляна погасить было уже невозможно.

Всё произошло так, как и предполагал Кобра. Мы без труда склеили двух рыжеволосых девиц, напоили их шампанским до отрыжки, а затем привычно усадили в такси и увезли в общагу для продолжения банкета.

Горев же переместился за дамский столик и весь вечер навешивал на уши девиц лапшу. Те были в восторге от статного балагура и звонко смеялись. Наш обаятельный друг добился внимания Светки и отправился провожать её до дому.

– Как твои успехи? – спросил Мишаня нашего друга на следующий день.

– О победе говорить пока преждевременно, но рекогносцировку провёл тщательным образом, – ответил Колян самодовольно и потёр ладони.

– И что показала разведка? – любопытствовал я. – Какой величины твоя звезда?

– Звезда состоит из золота высшей пробы, – с гордостью охарактеризовал Горев новую знакомую. Учится на машиностроительном, на ракетах и гироскопах, 4-ый курс. Папа – главный инженер Облэнерго, мама – секретарь горкома

КПСС.

– Влетел ты, Коля, по самое не могу, – резюмировал Мишаня. – Женит она тебя на себе, бля буду. Советую тебе не пить из копытца, а то и не заметишь, как превратишься в козлёночка.

– Кобра дело говорит, – присоединился и я к словам Мишани. – Ты, Колян, пока не надкусил конфетку – заверни-ка её в прежний фантик и возврати обратно в вазу. Пусть на неё польстится кто-нибудь другой.

– Врагу не сдаётся наш гордый Варяг, – ответил Колян, насвистывая мотив известной песни. – Слушать советы Колян не желает.

Вечером мы с Коброй отправились в ресторан вдвоём. Горев пошёл на первое свидание.

Через три дня мы уступили Коляну свою комнату на ночь, и крепость в образе Светки Курбатовой сдалась без боя.

– Ох и хороша девка, доложу я вам! – похвалился своей победой Горев на следующий день. – Жгучая, трепетная, страстная, темпераментная – слов в башке не найдётся, чтобы описать эту сексуальную волшебницу. Она, оказывается, ещё и балерина, балетную школу окончила. Такое со мной вытворяла – уму не постижимо! Я чуть с ума не сошёл от её фантазий и немислимых поз!

– Ну-ну, – хмыкнул Мишаня и покачал головой. – Только не забывай про козлёночка, когда снова полезешь под юбку своей нимфы.

– Не учите отца любовному ремеслу, – огрызнулся Колян.

Через месяц жгучая, трепетная, страстная и темпераментная светская дама сообщила нашему другу, что беременна.

Горев был шокирован внезапным известием о том, что Светка выдвинула его персону на почётное звание отца.

– Как её угораздило залететь? – недоумевал Колян, селуя нам на случившееся. Клялась мне, шельма, что беременность ей не грозит, доктора, якобы, ей так сказали.

– В связи с чем такой вердикт? – спросил я. – Врождённое бесплодие?

– Не-ет, аборт в пятнадцать лет сделала. Мать не хотела позора и заставила дочь избавиться от ребёнка. Бесплодная, твою мать. Обвела вокруг пальца, как лоха.

– Вот тебе и светская дама, вот тебе, бабушка, и юрьев день, – подзадорил Мишаня.

– Я ей уже и про аборт, говорил.

– И она что?

– Ни в какую. И слышать не хочет. Буду рожать, говорит, и точка. Якобы, это единственный шанс стать матерью, который никак нельзя упустить.

– В чём проблема, Колян? – сказал я. – Женись на ней, если такое произошло. Шикарная свадьба обеспечена. Её родители в рот тебе будут заглядывать, как сыр в масле будешь кататься.

– Что-о?! – взвился Колян. – Жениться?! На этой авантюристке? Никогда!

Горе походил по комнате взад-вперед, потом остановился, посмотрел на меня и спросил с прищуром:

– А ты бы сам как поступил на моём месте?

– На твоём месте я бы не оказался, – ответил я самоуверенно, – потому что не отпускаю своего красавца гулять по влагалищу без спецодежды.

– Зарекалась ворона дерьмо не клевать, – пробурчал Колян. – Мне, дураку, надо было сразу передать её в твои руки.

– Это как? – удивился я. – Попользовался сам, поделись с товарищем?

– Эта ушлая баба ещё в ресторане на тебя глаз положила, – сверкнув глазами, сообщил Колян. – Призналась мне однажды, что ты ей очень понравился. И теперь при каждой встрече интересуется твоей персоной.

– И что из того?

– Как что? Влюбилась она в тебя! Без лупы видно.

– Что-то я не пойму тебя, Колян, – сказал я. – Ты хочешь предложить её мне? Сбагрить беременную бабу другу?

– А почему бы и нет? – заявил Горев. – Если ты её соблазнишь, я тут же уличу эту плутовку в измене и всё! Конец отношениям! Аля-улю, гони гусей, продувная бестия!

– Ну, отношениям, положим, наступит конец, а как быть с ребёнком? Его-то куда денешь? Мне, что ли, усыновлять твоё чадо?

– Ну, нет, конечно, – смутился Колян и как-то странно посмотрел на молчавшего Мишаню, словно хотел сообщить

мне некую тайну, но лишь наедине.

Я давно обратил внимание: Горев по какой-то причине предпочитает не делиться с Кобринным сокровенными мыслями.

Я сделал серьёзную мину на лице и сказал:

– Хотя, братуха, мне кажется, в твоём плане есть разумное зерно. Нужно лишь детально проработать операцию моего десантирования на территорию противника.

– Ты, Юра, настоящий друг! – искренно обрадовался Горев. – Я всегда восхищаюсь твоими мозгами.

Я ничуть не лицемерил, когда произнёс свои слова. Откровенно говоря, мне была не безразлична судьба моего друга. В голове мелькнула шальная мысль: если Курбатова действительно жульничает, то она должна понести наказание. Какое – я пока не придумал, всё зависело от чистосердечного признания Коляна. Но если воду мутит сам Колян, тогда...

Что будет тогда, мне не приходило на ум, но и обижать невинную Курбатову, в таком случае, будет не по-джентельменски.

Через четверть часа мы с Горевым остались в комнате вдвоём – Кобрин ненадолго отлучился к одной из однокурсниц.

– Что ты мне хотел сказать? – спросил я Коляна и посмотрел в упор.

– Так это... я того... бесплодный как бы... – каким-то надломленным и неестественным голосом произнёс Горев, –

секреторное бесплодие у меня...

Я был ошарашен заявлением друга и мне вдруг стало жаль его чисто по-человечески. Без объяснений было понятно, почему он не сказал о своём недуге Курбатовой. В случае утечки такой постыдной для молодого парня информации его жизнь превратится в кошмар. Гроза парней и мечта многих девчонок морской пехотинец Горев в одночасье превратится в объект насмешек. А от избалованной и уличённой во лжи Светки Курбатовой, как мне представлялось, можно будет ожидать чего угодно.

Я не стал забрасывать Коляна ненужными вопросами и заверил, что решу вопрос без проблем.

– Как? – удивился Горев, не веря своим ушам. – Ты затащишь её в постель?

– Ты же сам предложил мне такой вариант. Или уже передумал и даешь задний ход?

– Нет, не передумал. Но уложить эту пройдоху в постель будет не так-то просто, – высказался Колян. – Она вцепилась в меня своими коготками крепко и не собирается выпускать.

– Ну тогда решайся на признание, что ты не способен сделать её беременной и разруливай проблему самостоятельно, – сказал я.

– Что ты, Орёл, это невозможно. Она не из с тех чувих, которые верят мужикам на слово, а бегать по больницам с анализами, чтобы заполучить заветную справку – мне запахло, лучше уж пулю в висок пустить.

– В таком случае не спрашивай, как я буду действовать. Я – десантник и всегда следуя одному принципу, которого не придерживаются в морской пехоте.

– Какого?

– Там, где чёрт сломает ногу, ВДВ найдёт дорогу, – с гордостью и некоторым оттенком пафоса произнёс я. – Главное, Колян, поклянись мне, что эта светская дама тебе больше не нужна, и ты никогда не захочешь вернуться к ней.

– Клянусь, братан, никогда и ни при каких обстоятельствах не буду сожалеть об этой вражине. Вот она уже где у меня, – Колян для убедительности резанул ладонью по горлу. – Достала своими умными изречениями и поучениями!

– Тогда завтра же пошли её ко всем чертям без всяких объяснений, – распорядился я. – Только выскажи это в грубой форме.

– Ты всерьёз думаешь, что она отстанет от меня? Так просто? – в сомнении спросил Колян.

– Делай так, как я сказал, – отрубил я.

Горев впервые безропотно подчинился «салаге».

...Курбатова отыскала меня в институте в перерыве между лекциями уже через день после размолвки с Горевым.

– Юрочка, дорогой, как хорошо, что я тебя встретила, – сказала она, выдавливая из себя слезу. – Мне крайне важно поговорить с тобой!

– Что случилось? На тебе лица нет! Тебя кто-то обидел? Скажи, кто? – скороговоркой забросал я Светку вопросами.

– Сейчас нет времени говорить об этом, – услышал я в ответ. – Назначь мне встречу, где мы могли бы с тобой поговорить обстоятельно.

– Хорошо, – сказал я и посмотрел на часы. – А почему бы нам не пригласить на разговор Коляна?

– Нет-нет, ни в коем случае, – выпалила Светка испуганно и оглянулась по сторонам, будто хотела убедиться в том, что Горева нет поблизости. – Он не должен знать о нашей встрече.

– Ну, ладно, как скажешь, – согласился я. – В шесть вечера у центрального входа в парк Горького, устроит?

– Вполне.

– Тогда до встречи?

– Ты умница, Юрочка, – враз расцвела Курбатова и чмокнула меня в щёку, моментально забыв про фальшивые слёзы. – Буду пунктуальна, тебе не придётся меня ждать. Пока, пока.

И уплыла от меня походкой модели, соблазнительно покачивая аппетитными бёдрами.

За прошедшие сутки до встречи с этой лисой в моей голове уже созрел чёткий план действий.

Первое. Нужно было точно узнать, беременна ли светская дама в действительности.

Второе. Если – да, то какой срок беременности.

Третье. Отыскать владельца бесконтрольных сперматозоидов и выпотрошить из него всю правду.

Четвёртое. Соблазнить плутовку и вывести на чистую воду.

Это был весь план, но при нём имелась ещё одна важная цель, ради которой я согласился раскрутить эту скверную историю. Я хотел понять: какое уникальное действие должна совершить красивая женщина и искусная любовница, чтобы влюблённый в неё мужчина в столь короткий срок вдруг возненавидел её? Каков этот шаг от любви до ненависти?

Я пропустил лекции и отправился распутывать детективную историю. У меня был друг, работающий в медсанчасти того района, в котором проживала Курбатова. Через него я намеревался получить интересующую меня информацию.

***

Светка явилась на встречу вовремя. Когда она появилась в поле зрения, мои часы показывали без двух минут шесть.

– Я не опоздала, правда? – бодрым голосом спросила Светка, грудь её часто вздымалась от быстрой ходьбы. – Всю дорогу бежала, чтобы успеть.

– Слов на ветер не бросаешь, – похвалил я её с дальним прицелом.

– Стараюсь никого не обманывать, – подхватила Светка.

– Стараешься или не обманываешь вообще? – задал я вопрос и внимательно посмотрел в глаза Курбатовой.

Веки девицы заметно дрогнули, она на секунду стушевалась, но быстро совладала с собой.

– Людей, живущих без обмана, не существует в природе, –

отпарировала Светка на мой вопрос. – Я не могу быть исключением.

– Ты права, – согласился я с приведённым доводом.

– Я всегда говорю правильные и аргументированные вещи, – сказала Светка и бесцеремонно взяла меня под локоть. – Куда пойдём?

– А куда бы тебе хотелось?

– Сегодня мерзкая погода, и я предпочла бы провести вечер в каком-нибудь тёплом и уютном помещении.

– Хм-м... Таким помещением, на мой взгляд, может быть лишь ресторан, но ...

Светка не дала мне договорить.

– Для нас сегодня не должно быть никаких «но», – решительно заявила она. – Идём в ресторан. Сейчас минуем парк и сразу уткнёмся в «Погребок». Там самая подходящая атмосфера для разговора и очень хорошая кухня.

Я знал, что в ресторанах центрального района в такой час нет свободных мест, и хотел своим «но» поставить спутницу в известность о возможной проблеме.

Она восприняла мои невысказанные слова иначе.

– Насчёт денег не беспокойся, я не бедная девочка и привыкла за всё платить сама. К тому же, я должна как-то отблагодарить тебя?

– За что? – искренно удивился я.

– Как за что? За то, что согласился меня выслушать и, надеюсь, поможешь мне разрешить одну проблему.

Я не стал возражать, потому что был очень голоден. Посещение медсанчасти отняло у меня много времени, заменив обеденный приём пищи.

Как я и предполагал, в «Погребке» свободных мест не оказалось. Это обстоятельство ничуть не смутило Курбатову.

– Постой здесь, – сказала она и двинулась к швейцару, который заслонил своим тучным телом вход в подвал. Светка что-то шепнула ему на ухо, тот с вежливым поклоном отступил в сторону и пропустил её вниз.

«А ты непростая штучка, – подумал я, разглядывая чучело оскалившегося волка. – Всё у тебя в городе схвачено. Только вот непонятно, зачем тебе понадобился нищий студент Горев? Что ты хотела от него заполучить?»

– Молодой человек, – услышал я у себя за спиной и обернулся. – Вас просят спуститься вниз.

Швейцар стоял в двух шагах от меня и внимательно разглядывал.

– Спасибо, – поблагодарил я его и направился по ступенькам в подвал.

Светка, стоя внизу уже в одной кофточке, встретила меня неожиданным упрёком:

– Где ты пропадаешь? Идём скорее за мной. Я всё уже решила. Нам предоставили столик в отдельном зале.

По её деловому виду нельзя было сказать, что она страдает от размолвки с Коляном, или хотя бы строит на лице гримасы переживания. Скорее наоборот, была более весела

и жизнерадостна, нежели печальна.

– Что тебе заказать? – спросила Светка, когда я занял место напротив неё.

– На твоё усмотрение.

– Хорошо, закажу тебе стейк из говядины, а себе, пожалуйста, рыбу по-французски. А что ты будешь пить? Коньяк, водка, вино?

Мне вдруг захотелось ущипнуть себя: уж не сон ли это? Ещё несколько дней назад эта женщина нежно ласкала моего друга, а теперь вот старается ублажать меня. Я решил не нарушать придуманного ей сценария и сухо ответил:

– Не отказался бы от коньяка.

Молодая официантка, казалась, только и ждала условного сигнала. В считанные секунды она очутилась рядом и приняла заказ.

Через пару минут на столе появилась мясная нарезка, бокал красного французского вина и бутылка армянского «Арарата». Официантка наполнила бокалы и удалилась.

Я не торопил события, не задавал никаких вопросов. Просто сидел молча и ждал, что скажет хозяйка стола.

– Я предлагаю первый тост за тебя, Юрочка, – произнесла Светка, заметно волнуясь. Волнение было реальным, не наигранным.

– С чего вдруг? – не удержался я. – Ничего отвратительного я пока не сотворил, чтобы такая импозантная дама пила за меня.

– Кроме шуток, – продолжила Светка. – Я пригласила тебя на встречу, чтобы рассказать обо всём, что творится в моей душе. Ты должен обязательно выслушать меня. Это крайне важно для нас обоих.

– Я буду весь во внимании после того, как мы выпьем, – сказал я. – На голодный желудок серьёзные вещи воспринимаются негативно.

– Хорошо, давай выпьем.

Мы чокнулись и выпили.

– Горев не говорил тебе, что мы с ним поссорились позавчера и расстались? – просила Светка.

– Впервые слышу, – соврал я без промедления. – Николай никогда и ни с кем не делится деталями личной жизни. Она у него за семью печатями. Да и не мог он что-либо мне рассказать, потому что его нет в общаге уже несколько дней – уехал на встречу с каким-то родственником.

В глазах Курбатовой мелькнуло некое облегчение. Она поверила.

– Так-таки и расстались? – подлил я масла в огонь.

– Да, навсегда.

– Не верится. Мы привыкли видеть его счастливым от влюблённости в тебя.

– В начале я тоже думала, что он влюблён в меня, пока не убедилась в обратном.

– Это как? – с открытой заинтересованностью спросил я.

– Однажды я обмолвилась, что если бы тогда в ресторане

ты не увлѣкся той рыжей девчонкой, то я отдала бы предпочтение тебе, а не ему. Ты мне понравился с первого взгляда больше, чем он.

– И что он ответил?

– Взбесился. Спросил со злостью: что, на безрыбье и рак рыба? Я попыталась объяснить, что это были всего лишь первые минуты нашей встречи, первые взгляды друг на друга, что мы ещё были совсем не знакомы, первое впечатление очень часто бывает обманчивым и так далее.

– Не поверил?

– У него сложилась своя точка зрения, другое мнение его не интересовало. Он оказался ревнивым и тщеславным человеком, а таких людей, как известно, переубедить практически невозможно, – печальным голосом закончила Светка.

Я наполнил бокалы, и мы, не чокаясь, выпили молча.

– Ты предлагаешь мне поговорить с ним, чтобы возобновить ваши отношения? – спросил я.

– Нет, этого делать уже не нужно.

– Почему?

Светка долго держала паузу, а затем, сверля меня острым немигающим взглядом, неожиданно выдала:

– Потому что я люблю тебя, Юрочка, а не Горева.

Бокал, который я поднял, чуть не выпал у меня из рук. Я ожидал услышать от этой лисы любые льстивые слова в свой адрес, но только не такую взрывную фразу.

Я залпом опрокинул в рот свой коньяк и шумно выдохнул.

– Это действительно так, мой дорогой друг, – подтвердила ещё раз своё признание Курбатова. – После первой ночи с Горевым я поняла, что обманулась в своих чувствах. Коля был груб со мной, унижал меня, как мог. Весь следующий день я проплакала от отчаяния и обиды.

– Почему же продолжила встречаться с ним? – спросил я. – Могла бы сразу порвать отношения.

– Мне сложно ответить на этот вопрос, – Курбатова задумалась, уставившись взглядом в бокал перед собой. – Он насильно требовал близости со мной, я боялась ему отказать и с покорностью рабыни делила с ним ложе.

Всё услышанное мною, на первый взгляд, выглядело вполне правдоподобно. Колян и раньше допускал рукоприкладство в отношении строптивых женщин, которые осмеливались противостоять его воле. В качестве наказания за такие действия он мог схватить подругу за горло, выкрутить руки, стукнуть по затылку или выдать пощёчину.

– Кто был инициатором вашего расставания? – просил я с целью подтверждения её искренности.

– Коля, – ответила Светка. – Но я восприняла его заявление с радостью, потому что наступил конец унижениям и издевательствам, которые мне приходилось терпеть.

«Неужели Колян стал реально издеваться над Курбатовой по причине охватившей его злости, узнав, что она могла бы оставить свой выбор на мне?» – задумался я.

На миг в памяти всплыли сверкающие глаза Горева, ко-

гда он говорил, что Светка еще в ресторане положила на меня глаз. В этом горящем взгляде было всё: зависть, обида, злость и бессилие что-либо изменить.

Тщеславие, несомненно, в Коляне присутствовало всегда. Его потребность иметь превосходство над окружающими его людьми было видно невооружённым глазом. Мы с Коброй не в счёт, мы были друзьями, и он не перегибал палку в наших отношениях. Зато с другими студентами вёл себя высокомерно и заносчиво.

«Но, Колян – мой друг, мой братан, а брата в семье принято воспринимать таким, какой он есть, со всеми отклонениями и недостатками, – продолжил размышлять я. – Нельзя идти на поводу у этой шельмы, даже если часть её рассказа правдива. Нельзя позволить ей вогнать клин между нами. Крепкая дружба дороже, чем мимолётная и сомнительная справедливость. Почему она молчит, что беременна? Значит, очень заинтересована, чтобы я не узнал об этом преждевременно».

– И что дальше? – задал я пространный вопрос.

– Дальше? – Светка задумалась на секунду. – Мне нужна твоя поддержка, психологическая помощь, так сказать. После пережитого у меня всё валится из рук, я лишилась сна, хожу, как чумовая.

– Но я не психотерапевт, – парировал я. – Вряд ли смогу чем-нибудь помочь тебе.

– Ещё как сможешь! – убеждённо заверила Курбатова, за-

глядывая мне в глаза с кошачьей преданностью. – Я люблю тебя и, если бы ты на первых порах смог уделять мне хоть немного времени, моё душевное равновесие быстро восстановится. Я уверена в этом.

Я понимал, что выслушал полную чушь, рассчитанную на лохов. В неё мог поверить лишь сопливый юнец, у которого не было ни одной женщины. Я же в свои годы успел стать докой в любовных делах и знал о происках этих милых созданий не понаслышке. Никакой любви ко мне у этой бестии нет, как нет и ужасного потрясения, о котором она пытается убедить меня. К этой минуте я был полностью уверен, что в голове Курбатовой живет лишь холодный расчёт: любой ценой охмурить мужика, уложить в постель, а потом торжественно заявить, что она беременна.

Ей удалось бы осуществить этот коварный замысел с Горевым, не окажись тот бесплодным. Он заглотил бы её наживку, не отторгая. Но хорошо продуманный план дал непредвиденный сбой. Курбатова была отвергнута, причем, в грубой и жёсткой форме, и без объяснения причин. Она растерялась, но недолго. Её изощренный на авантюры мозг лихорадочно искал выход из создавшегося тупика и очень скоро его нашёл.

Новый план, вероятно, основывался на моём мягком характере и мужском самолюбии. По её убеждению, я не способен поступить так, как сделал это Горев. Узнав о её беременности, я не откажусь от отцовства своего ребёнка. Для

этого Светка приложит максимум усилий, включая давление на меня своих влиятельных родителей. Главное, пустить в ход весь арсенал своего красноречия, чтобы я поверил в её бредни.

Так думал я, потягивая из бокала коньяк небольшими глотками.

Моя интуиция не подвела. Жалостливые слова и признания в любви ко мне фонтанировали из неё, словно вырвавшиеся недра из пробуренной скважины. Я изображал из себя простака и был полон наивности: поддакивал, сочувственно кивал головой и соглашался с каждым её высказыванием. Одним словом, вёл себя так, как должен был вести чувственный и непорочный молодой человек. Был таким, каким хотела видеть меня Курбатова.

Изрядно захмелев после выпитой бутылки вина, Светка стала терять контроль над собой. Она вставала из-за стола, подходила ко мне и вешалась на шею, покрывая мою голову множественными поцелуями. Последний обход стола закончился всхлипыванием.

Я понял, что моя подруга пьяна и пора закругляться, в противном случае придётся уносить её из ресторана на себе.

Светка не противилась, достала из сумочки кошелёк, протянула его мне со словами:

– Расплатись за ужин, любимый, и вызови такси. Едем ко мне, мои родители в командировке.

Я повиновался и сделал так, как она распорядилась. Прав-

да, кошелёк с тремя четвертными и двумя полусотенными денежными банкнотами в нём я оставил при себе. Для надёжности сохранения, поскольку это было целое состояние.

Квартира Курбатовой поразила меня своей роскошью: дорогая мебель в прихожей, видимый через открытую дверь импортный гарнитур в кухне, персидский ковёр на полу и хрустальная люстра с множеством лампочек в коридоре.

«Не хило живут секретарь горкома КПСС и главный инженер областного управления энергетики», – мелькнуло у меня в голове.

Я помог Светке раздеться и сделал вид, что собираюсь уходить.

– А ты чего стоишь у порога? – спросила она. – Раздевайся и проходи в зал. Чувствуй себя, как в собственной квартире.

Из моих уст чуть было не вырвалось, что у меня никогда не было собственной квартиры и в данный момент я проживаю в общежитии, в комнате на четверых, а поэтому знать не знаю, как чувствует себя обладатель большой благоустроенной квартиры. Но я вовремя спохватился, что говорить об этом не стоит, и прикусил язык.

– Извини, Светочка, но уже поздно, мне надо возвращаться в свою общежитку, – произнёс я вежливым голосом, заглянув в её глаза, и поразился. Они были живыми! Моя дама не была так пьяна, какой казалась мне в ресторане и в такси! В её зелёных глазах отсутствовала хмельная поволока, они двигались быстро и осмысленно.

«Неужели эта ушлая деваха могла так быстро протрезветь? – с изумлением подумал я. – Или опьянение – это всего лишь хорошо сыгранная роль в её спектакле?»

– Никакой общаги, Юрочка! Сегодня ты переночуешь у меня! – голосом, не терпящим возражения, произнесла Курбатова.

Я хмыкнул, остановившись в мыслях на втором варианте её преобразования, снял верхнюю одежду и обувь, прошёл в комнату, на которую мне было указано. Расположившись в кресле, стал терпеливо ждать хозяйку.

Светка появилась в дверях комнаты с золочёным подносом в руках. На подносе красовалась бутылка шампанского, початая бутылка незнакомого мне коньяка, нарезанный ломтиками лимон в блюде, несколько апельсинов, горка шоколадных конфет, фужер для шампанского и бокал для коньяка. Моя воздыхательница успела переодеться; на ней был короткий атласный халат розового цвета с закруглёнными краями внизу.

Светка поставила поднос на журнальный стол, отошла назад на несколько шагов, развела полы халатика шире, оголив загорелые красивые ноги до кружевных трусиков и задвигалась по комнате в медленном танце.

«А она чертовски хороша, – отметил я про себя и почему-то вспомнил известную сценку со Светланой Светличной и Юрием Никулиным в «Бриллиантовой руке». – Осталось только принять из рук хозяйки снотворное, заснуть мертвец-

ким сном и очнуться уже голым под пристальными взглядами её родителей».

Я отогнал прочь дурацкую мысль и стал любоваться танцовщицей. Элементы танца были поразительны, они сочетали в себе движения из классического балета и вызывающе-откровенные эротические позы, в которых Светка замирала на короткое время, остановившись напротив меня. На расстоянии вытянутой руки я видел все интимные прелести её изящного гуттаперчевого тела. Мне казалось, ещё мгновение, и её мини-халатик упадёт на пол, а на спине с треском лопнет застёжка и разлетятся по сторонам ляпочки блестящего бюстгальтера.

– Тебе понравилось? – спросила Светка, закончив эротическое шоу, усаживаясь рядом со мной.

– Ты это делала, чтобы подразнить меня? – ответил я вопросом на вопрос.

– Мне захотелось отблагодарить тебя за чуткость и внимательность ко мне. Ты это заслужил. – Светка словно невзначай раздвинула колени. – Открой, пожалуйста, шампанское, я хочу выпить с тобой на брудершафт.

– Тебе не поплохеет? – поинтересовался я, беря в руки бутылку с шампанским. – По-моему, ты уже изрядно набралась.

– С таким мужчиной, как ты, Юрочка, мне не может поплохеть, – интригуяще проговорила Светка, устраиваясь на подлокотнике массивного кресла.

Мы выпили на брудершафт и слились в затяжном поцелуе. Светка прикрыла глаза, откинулась на спинку кресла и обмякла. Полы халатика разъехались, оголив великолепные бронзовые ноги.

Впившись взглядом в эту неотразимо привлекательную красоту, я почувствовал, как начала воспламеняться моя плоть. С каждой секундой мне становилось всё труднее управлять своим сознанием, и я решил не сдерживать себя. Зачем бороться с собой, если цель встречи ясна обоим?

Я взял Светку на руки и понёс на диван. Её тело трепетало в предвкушении предстоящей близости.

– Юрочка, милый мой... хороший... долгожданный... – горячо шептала она, не открывая глаз. – Я так мечтала о встрече с тобой... Возьми меня всю, не побрезгуй, владей моим телом, наслаждайся каждой моей клеточкой, сколько пожелаешь...

Её страстная дрожь мгновенно передалась мне. Я положил Светку на кожаный диван, лихорадочными движениями рук принялся её раздевать. Когда она предстала передо мной в образе Евы, я молниеносно сбросил с себя всю одежду, раздевшись вдвое быстрее, чем делал это перед отбоем в армейской учебке.

Это была удивительная и незабываемая ночь. Вместо нежности и ласковых объятий наша близость уже с первых минут превратилась в настоящий поединок двух суперсексуальных организмов. Неистовство страсти, усиленное алкого-

лем, охватило нас обоих до умопомрачения. Мы загнанно двигались в каком-то безудержном порыве, извивались, переплетались телами, стонали и вскрикивали от острых ощущений.

– И мы, сплетясь, как пара змей, обнявшись крепче двух друзей, упали разом, и во мгле СЕКС продолжался на земле... – с сарказмом высказалась после окончания оргии бесстыдница Светка, сделав акцент на слове «секс».

В свои двадцать лет Курбатова была уже опытной и страстной женщиной. У неё напрочь отсутствовало чувство стыда при выборе сексуальных позиций. Она интуитивно чувствовала, чего хочет от неё мужчина, и ублажала настолько утончённо и умело, будто это ублажение являлось её единственной профессией, которой она успела обучиться у неизвестного мастера-виртуоза.

Неуёмная страсть Светки так захлестнула меня, что я в её объятиях до самого утра, казалось, забыл обо всём на свете. Порой мне казалось, что я очутился в каком-то мощном и нескончаемом водовороте: меня кружило и вращало во всех направлениях, и я никак не мог достичь дна. Было непонятно, что со мной происходит? Где я? Почему оказался в объятиях этой огнедышащей драконши? И когда, наконец, закончится состояние невесомости, а эта сексуальная фея вернёт меня с небес на землю? Я испытывал неведомое до сих пор чувство крайней эйфории, которого мне не довелось испытать ни с одной из нескольких десятков девиц, с которыми

сводила судьба. Разве что с самой первой женщиной – развратницей Катей Мисалиной, по прозвищу Мессалина. И в тот раз, и в этот я был послушным инструментом в умелых руках двух развратниц.

– Надеюсь, мы ещё встретимся? – спросила Сетка, провожая меня в прихожей после бурной ночи. Она приподнялась на цыпочки и по-хозяйски чмокнула меня в щёку.

– Возможно, – ответил я устало.

– Почему так неуверенно, Юрочка? – хищница уставилась на меня, пытаясь прочесть в моих глазах причину неопределённого ответа.

– Потому что чувствую себя выжатым лимоном, – уклончиво ответил я и криво усмехнулся.

– Это временное явление, мой милый мачо, лимон твой очень скоро нальётся свежим соком, – цинично проговорила Светка и протянула мне маленький календарь с номером телефона.

– Звони в любое время.

Мы расстались немногословно, говорить было больше не о чём. Я сказал всё, о чём хотел сказать. А сделал во много раз больше, чем предполагал. У меня гудела голова и подрагивали колени, будто я совершил немислимый по масштабам марш-бросок по горной местности. У моей совратительницы, по всей вероятности, закончились все эпитеты в мой адрес. Она тоже реализовала свой коварный замысел. В её мыслях я уже стал реальным кандидатом на статус отца

её будущего ребёнка.

***

Я не звонил Курбатовой больше недели, потому что не видел смысла в этом звонке. Включившись в необычную игру, я сделал свой первый ход и теперь терпеливо выжидал ответного действия. По моим представлениям, очередной шаг со стороны Светки будет сделан не ранее, чем через пару недель. Ей нужно выдержать определённый период, чтобы «стать беременной».

Все эти дни я не терял времени даром. Знакомый врач за бутылку коньяка раздобыл для меня копию справки из женской консультации, куда на учёт встала Светлана Владимировна Курбатова. Срок беременности значился около двух месяцев, а это означало, что Колян не мог физически стать отцом ребенка, даже если бы был способен к зачатию.

Далее без особого труда мне удалось навести справки о любовном романе Курбатовой с предполагаемым отцом её будущего чада. Им оказался влиятельный сотрудник из областного управления торговли. Этот человек возглавлял структуру по распределению дефицитных товаров в торговле, которые Светка получала от него в качестве щедрых подарков. Не нужно идти к гадалке, чтобы узнать, за какие именно услуги этот сорокалетний порядочный семьянин расплачивался с молодой девицей.

Можно было, конечно, ограничиться лишь устной информацией, полученной от Светкиных однокурсниц, чтобы при-

переть зарвавшуюся бестию к стенке. Основной обличающий документ – справка о беременности – был у меня на руках, и её было вполне достаточно, чтобы положить конец этой грязной истории с моим другом.

Поразмыслив немного, я, все-таки, решил повстречаться с этой живучей и процветающей в советское время гидрой капитализма. У меня появилось нестерпимое желание заглянуть в глаза этому прохиндею и вытрясти из его гнилой душонки признательные показания.

Два дня ушло на то, чтобы отследить его вечерние маршруты. Я подкараулил торгаша у подъезда его дома.

– Родион Георгиевич Карамазов? – спросил я казённым голосом, выйдя ему навстречу.

– Да, он самый, – ответил мне щуплый смуглолицый мужичок среднего роста с бегающими чёрными глазками. – Что вы от меня хотите?

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, – не меняя строгого тона, ответил я. – Давайте отойдём в сторонку и поговорим без посторонних глаз и ушей.

Родион Георгиевич в первые секунды, вероятно, подумал, что я явился к нему по вопросу приобретения какого-нибудь дефицитного товара, но мой металлический тон разуверил его в этом и насторожил.

– Кто вас ко мне прислал? – спросил он заносчиво, шагая рядом.

– Дело, которым я сейчас занимаюсь, требует некоторых

уточнений, – сказал я, сбивая спесь с торгового представителя.

– Так вы из органов? – спросил Родион Георгиевич, взглядом оценивая мою внушительную фигуру. На его лице мелькнул испуг. Это было очевидно.

– Из конторы, – коротко пояснил я, давая понять пронзительным взглядом, что никакого удостоверения я не намерен предъявлять, хотя в моём кармане, на всякий случай, покоились красные корочки, внешне похожие на удостоверение сотрудника службы госбезопасности. Его я случайно нашёл в электричке под лавкой, не подозревая, что документ может когда-нибудь пригодиться.

– Что вас интересует? – дрогнувшим голосом задал вопрос Светкин благодетель.

– Вам известна Светлана Владимировна Курбатова?

– Да, это дочь Ларисы Александровны Курбатовой – секретаря горкома КПСС, – ответил Карамазов, как на экзамене, рассчитывая, что партийный статус матери может повлиять на дальнейший расклад событий.

– Что вы можете сказать о ней?

– О Ларисе Александровне?

– О секретаре горкома КПСС нам известно гораздо больше, чем вам. Меня интересует Светлана Владимировна. Что вас с ней связывает?

На лбу торгаша выступили бисеринки пота.

«Ага, гнида, заволновался? – мысленно торжествовал я. –

Значит, рыльце твоё в пушку».

– Да, в общем-то, ничего... – проямлил Родион в замешательстве.

– А вот у меня, товарищ Карамазов, другие сведения, – сказал я строго. – Вы дарили ей дорогие вещи? Импортные сапоги, одежду, магнитофон?

– Нет... то есть, да...

– Так – нет, или – да?

– Да... подтвердил Светкин спонсор и опустил голову, словно готовился получить неотвратимый удар по шее.

– Из каких соображений? За какие услуги? Пытались влиять через неё на секретаря городского комитета КПСС? Рассчитывали избежать проверок со стороны органов партийного контроля? Или же планировали вовлечь её лично в свои коррупционные сети? Отвечайте! – забросал я жулика провакационными вопросами.

– Нет, что вы? Лариса Александровна честный коммунист и никаких планов в отношении её я не строил... Упаси меня бог запятнать её имя... – запротестовал Родион Георгиевич и быстро осёкся. Он понял, что своим отрицанием подтверждает причастность к манипуляции дефицитными товарами и рискует попасть за решётку. Опытный мошенник тут же переориентировался в показаниях и начал сдавать свою любовницу с потрохами.

– Это всё её доченька, – со злостью проговорил он. – Она непревзойдённая аферистка и вымогательница, отвратитель-

ное существо, шантажистка! Одним словом, стерва большой величины!

– Я смотрю, она вам прилично насолила, если вы так её характеризуете, – заметил я. – Только, как принято говорить у нас в конторе, слов к делу не пришьёшь, мне нужны факты и неоспоримые доказательства.

– Факты? – Карамазов начал осознавать, что ему не отвертеться от меня и придётся давать показания. Он сразу изменился в лице, втянул голову в плечи, на моих глазах превратился в жалкое существо.

– Хорошо, я расскажу вам всё, – надтреснутым голосом произнёс Родион Георгиевич и начал рассказывать всё по порядку.

Из его рассказа следовало, что знакомство с Курбатовой произошло год назад на одной из закрытых мужских вечеринок. Веселились на отбуксированном от причала парходике. Человек, отвечающий за организацию мероприятия пригласил так называемых «куртизанок» – дам лёгкого поведения, которые вращались в высших кругах общества и обладали большой информацией о власти имущих.

Избалованные и извращённые роскошью дочери разного рода начальников и партийных руководителей сбились в стаю и создали виртуальный клуб по пикантным интересам городской элиты. Конспирация была высокой. У них не существовало каких-либо площадок для сборищ. Они, как настоящие разведчицы, знали друга в лицо и общались по теле-

фону условными фразами. Серьёзные вопросы обсуждались исключительно при личных встречах.

Спрос на представительниц виртуального клуба был большой, но и оплата их услуг оценивалась по высокой шкале ставок.

Одной из приглашённых на вечеринку оказалась Светлана Курбатова.

В тот вечер Родя не задумывался о последствиях. Он, как и все остальные мужчины, пил, веселился, а потом уже не помнил, как очутился в объятиях симпатичной пышноволодой куртизанки.

Под утро их парходик пришвартовался к причалу, они расплатились со жрицами любви и разъехались по домам.

Карамазов полагал, что на этом его тайная пирушка с сексом на десерт закончилась и о ней следует забыть. Однако, всё пошло иначе. Светлана Курбатова разыскала его буквально через несколько дней и любезным голосом попросила о встрече. Недолго думая, Родион согласился.

Встреча была короткой и деловой. Куртизанка попросила об одном одолжении – раздобыть для неё кое-что из импортных вещей.

Оплата произошла интимными услугами по высшему разряду.

После первой встречи последовали вторая, третья... десятая... Курбатова присосалась к Родиону, как ненасытная пиявка, высасывая из него всю кровь без остатка. Она наг-

лела с каждым разом всё сильнее и сильнее, требуя от него порой невозможного.

– Когда я заикнулся, что всему есть предел и я не буду больше удовлетворять её алчные аппетиты, эта стерва поставила передо мной ультиматум, – с сокрушённым видом сообщил Карамазов и замолчал.

– Какой ультиматум?

– Если ты ещё раз пикнешь – я упрячу тебя за решётку, – сказала она мне, не моргнув глазом.

– Так и сказала? – спросил я, и мне вдруг стало весело от заявления прохиндейки.

«Два сапога – пара», – подумал я.

– Эти слова до сих пор стоят в моих ушах, – ответил Родион и заглянул мне в лицо с надеждой на сочувствие.

– И ты продолжил исполнять все её требования?

– А куда мне было деваться, если она обложила меня со всех сторон? Даже тот факт, что она занимается проституцией и об этом я могу сообщить не только родителям, но и широкому кругу общественности, не возымел на неё никакого действия.

– Что она ответила вам?

– Сказала, что таким заявлением я лишь добавлю себе срок за клевету. И действительно, кто я против её родительницы? У Ларисы Александровны в городе всё схвачено, меня в один момент сотрут в порошок или раздавят, как таракана. Да и те, кто пользуется услугами так называемого клуба не

останутся в стороне. Они тоже не последние люди в городе.

– А в тюрьму-то есть за что вас сажать, кроме как за клевету? – задал я провокационный вопрос.

Карамазов испугался вопроса настолько, что за пару секунд покрылся потом и задрожал, как былинка на ветру. Я решил не доводить дело до инфаркта и сказал, немного обнадёжив перепуганного дельца:

– Впрочем, можете не отвечать. Мне и так всё понятно. Детали меня не интересуют, поскольку это не моя тема. Вопросами коррупции занимается другой человек нашей конторы. Меня сейчас интересует Светлана Владимировна Курбатова.

– Спрашивайте, доложу обо всём, что мне известно, – окрылившись от того, что его мошеннические делишки уходят на второй план, отчеканил Карамазов.

– Курбатова продолжает рассчитываться с вами интимными услугами?

– Нет, мы с ней прекратили все отношения вообще.

– Опаньки! – воскликнул я от удивления. – Чем же вы её так напугали, что она отказалась от ультиматума? Угрожали убийством?

– Что вы?! – округлив глаза, вскрикнул Родион. – У меня и в мыслях не было пойти на такой шаг! Всё разрешилось совсем неожиданно.

Я стоял и терпеливо ждал, когда торгаш соберётся с духом и я, наконец, услышу от него те слова, ради которых затеял

весь этот спектакль.

Пауза явно затягивалась, Карамазов нервничал, его левое веко слегка дергалось.

– Ну?

– Дело в том, что Курбатова забеременела... от меня... случайно... – пролепетал Родион. – И я откупился от неё. Очень большой суммой денег. Сами понимаете: жена, двое детей, я член КПСС... Вся жизнь пойдёт прахом, если такое известие станет достоянием общественности...

– Как это сопливой девице удалось обвести вокруг пальца умудрённого жизнью мужчину, отца двоих детей? – спросил я с ехидством, мысленно хлопая в ладоши от злорадства.

– Она говорила, что обречена на бездетность, ну я и того... предложил не тратиться на резинки... без них ярче ощущения... и вообще...

– Когда это произошло? – задал я свой последний вопрос, не желая больше выслушивать лепетание невинной жертвы сексуального произвола.

– Полтора месяца назад. Я видел заключение о её беременности. На аборт она не согласилась.

– И вы дали ей денег на однокомнатную квартиру в строительном кооперативе в обмен на отказ от отцовства, – продолжил я за Карамазова. – Так?

– Так, – подтвердил он, хотя я шлёпнул своим предположением наугад, случайно вспомнив подобную историю. И попал в точку.

– Но откуда вам про это известно?

– Мне много чего известно в деле Курбатовой, – сказал я. – Я даже знаю, что это именно вы предложили ей вариант выхода из создавшегося положения.

– Какой ещё вариант?

– Срочно лечь в постель с первым попавшимся мужиком, чтобы затем переложить на него своё отцовство, – обрадовал я Родиона Георгиевича своей осведомлённостью.

– Это она вам так сказала?

– Нет, эти сведения получены от другого источника информации, – пояснил я с улыбкой на лице. – Спасибо вам, Родион Георгиевич, за откровенность. У меня больше нет к вам вопросов. Вы мне очень помогли.

Я развернулся и зашагал прочь, оставив Карамазова стоять с открытым ртом и протянутой мне ладонью для рукопожатия. Продолжать разговор с этим подонком у меня не было никакого желания. Я получил от него исчерпывающую информацию.

С Коляном я не успел поделиться полученными сведениями. Он уехал навестить родственников, там попал в серьёзное ДТП и лежал в больнице. О страшном происшествии мы с Коброй узнали лишь через неделю, когда забеспокоились о пропаже друга.

***

Светка заявила ко мне в общагу в выходной день. Она рассчитала всё до мелочей. Была суббота, студенты разье-

хались по домам, в общежитии стояла полная тишина. Я из-за недельной беготни по «делу Курбатовой» пропустил несколько лекций и семинаров, забросил работу над курсовым, и вот в выходные дни решил наверстать упущенное.

В комнате я был один, стоял у кульмана и гостей не ждал.

Тишину нарушил стук в дверь.

– Открыто, входите! – сказал я громко.

Дверь открылась, в проёме я увидел улыбающееся лицо Светки Курбатовой.

– Привет, это я, – произнесла она радостно. – Встречай гостью и помоги ей раздеться.

– Привет, – ответил я, отложил карандаш и шагнул навстречу. – Как тебе удалось прошмыгнуть мимо Щтирлица?

Щтирлицом мы прозвали сварливую и несговорчивую бабу-вахтёра, мимо которой незамеченной не пролетит даже муха.

– Я шепнула ей на ушко секретный пароль, и она пропустила меня без вопросов, – пошутила Светка, протягивая мне свою норковую шубу.

– Поделись секретом, – попросил я, подхватив её шутку.

– Пароль – «Орёл», – сказала она шёпотом. – Запомни его. Это ключевое слово для решения любой проблемы в вашей общаге.

– Запомнил. А отзыв какой? Щтирлиц не назвала?

– Нет.

– Тогда твоё дело – труба. Вскоре сюда явятся люди в чёр-

ном и объявят тебя персоной нон грата, – сообщил я с серьёзной миной на лице, убрав норковое манто и шапку моей госте во встроенный шкаф.

– Мой телохранитель не позволит никому вторгнуться на чужую территорию, правда? – Светка поднялась на цыпочки, обвила мою шею руками и страстно поцеловала в губы.

Я выдержал паузу и легонько отстранил её от себя.

– Что заставило светскую даму заглянуть в студенческие трущобы? – спросил я, направляя Курбатову к своей кровати. Стол был вечно завален книгами, тетрадями, чертежами. Удобнее было принимать гостя на матрасе, чем усаживать его на стул-развалюху.

– А ты не догадываешься?

– Нет.

– Ты не звонишь две недели, я вся извелась, скучаю по тебе круглые сутки, не знаю, что и подумать. Мучилась, мучилась, а потом решила нагрянуть к тебе без предупреждения, – доложила Светка.

– Чтобы застать меня врасплох с какой-нибудь студенткой в постели? – подковырнул я.

– Такое разве возможно?

– Почему бы и нет? – пожал я плечами. – Я свободный молодой человек, никому ничем не обязан. Заиграли гормоны – я просто обязан удовлетворить требования организма. Это природа, с ней не поспоришь. Не вижу в этом ничего предосудительного.

– Тебе не стыдно говорить о таких вещах в моём присутствии? – изобразив на лице возмущение, спросила Светка.

– Почему мне должно быть стыдно?

– Ну, хотя бы потому, что мы с некоторых пор не посторонние друг другу люди, – попыталась пристыдить меня Курбатова.

– А кто мы с некоторых пор?

Светка задумалась на пару секунд, а затем, понизив голос, таинственно произнесла:

– Об этом я тебе скажу позднее.

Я сразу сообразил, о чём пойдёт речь, и поэтому её слова меня ничуть не заинтриговали. «Тайна», которую она намеревается раскрыть, мне уже давно известна.

– Хорошо. О чём скажешь сейчас?

– О том, что я соскучилась по тебе, – вкрадчивым голосом начала Светка и принялась расстёгивать на мне рубашку.

Я не стал препятствовать её действиям, но и не набросился на неё с жадностью изголодавшегося зверя. После того, что мне рассказал Родя-торгаш, былая страсть в моём теле не воспламенилась. Однако, мой проказник, вероятно, не захотел прислушиваться к ощущениям тела и решил действовать автономно.

Когда Светка, покончив с пуговицами на рубашке, опустила руку на ширинку, её глаза загорелись ярче.

– Ого! – воскликнула она и беспардонно впиалась своими напوماженными губами в мои.

Мне ничего не оставалось делать, как уступить безудержному желанию женщины овладеть мною.

Я раздевал Курбатову медленно, разглядывая каждый сантиметр её безукоризненного тела. Она была прекрасна и восхитительна. Её фигура было безупречной.

В предыдущий раз мы занимались с ней любовью при свечах и под воздействием немалой дозы алкоголя. Внешний вид друг друга при первой встрече оставался на втором плане, главный акцент делался на соитие и внутреннее наслаждение от экстравагантных позиций контакта. В ту ночь мы были больше творцами, нежели созерцателями. Сейчас всё происходило по-другому.

Сняв бюстгальтер, я положил свою ладонь на её грудь, с осторожностью сжал несколько раз, затем с осторожностью помял выпуклые соски, внимательно разглядывая на них морщинки и складочки. От моего взгляда не ускользнуло наличие небольших пупырышков на сосках – первый признак беременности. Такую информацию, во всяком случае, я получил от своего друга-врача. Изучив верхнюю часть тела, я начал неторопливо продвигаться вниз.

Светка была обескуражена моими действиями. Её страстные объятия ослабли, она открыла глаза и с удивлением спросила:

– Что это всё значит?

– Ничего, – ровным голосом ответил я, запустил ладонь под резинку её кружевных трусиков и потянул их вниз. – Лю-

буюсь твоими прелестями.

– По-моему, Юрочка, ты не любишь женскими прелестями, а занимаешься научными изысканиями на моём теле, – съязвила Светка. – Разве ты не соскучился по мне?

Я не счёл нужным отвечать на вопрос и ограничился оригинальным пояснением своих действий.

– Ты не поверишь, Света, но я впервые в жизни встретил женщину с таким восхитительным телом. Ты настоящее наглядное пособие для создания шедевра живописи в стиле эротики, – выдал я, обнажив для любования островок тёмной растительности над бутоном алых лепестков перед входом в жаждущее лоно.

– Тогда я рекомендую тебе взять в руки лупу, – рассмеялась Светка и ухватила рукой мой набухший отросток. – И рассматривать элементы моих сокровищ не до того, как, а после того.

– Полезный совет, – успел откликнуться я на ехидное изречение и в следующую секунду почувствовал себя уже внутри своей партнёрши.

Она очень ловко это сделала, а уже в следующий момент перевернула меня на спину, устроившись на мне верхом. Светка откинулась назад, и, изгибаясь всем телом, плавно задвигалась по мне, умело удерживая в себе мою плоть. Её движения вызвали во мне резонанс, и я заработал бедрами вместе с ней, ускоряя собственное наслаждение.

Пик удовольствия охватил нас одновременно. Я излился

аккурат в тот момент, когда бедра Светки задрожали, а из её полуоткрытого рта вырвались стоны. Не открывая глаз, она упала мне на грудь и затихла.

Я не гладил Светку, не ласкал и не целовал в знак благодарности, не шептал ей на ухо какую-нибудь банальную ерунду, потому что не получил эмоционального взрыва. Духовного насыщения не произошло. Во мне жила пустота, в голове вертелась единственная мысль: побыстрее высвободиться из объятий хитрой лисицы, надеть рубашку и брюки, и уже больше никогда не разделять с ней любовное ложе.

Я отчётливо понял, что достиг поставленной цели. Не в том смысле, что раскрутил до конца эту гнусную историю, которую уже совсем скоро отправлю в архив своей памяти, а в том, что узнал истинную длину шага от любви до ненависти. И ещё я понял, что секс без любви – это всего лишь биологический инстинкт, удовлетворение животной потребности организма. А в существовании взаимной любви я полностью разуверился.

– Ты сегодня был не таким страстным и горячим, каким запомнился мне в прошлый раз, – сказала Светка, сползая с меня и укладываясь рядом. – Что с тобой, Юра?

– Со мной полный порядок, – ответил я, выпрыгнул из постели и стал одеваться.

– Неправда. Когда у мужчины полный порядок, он не спешит расставаться с женщиной.

– Откуда такие познания? – спросил я в упор. – Большой

сексуальный опыт?

– Не говори глупостей, – ничуть не смутившись ответила Светка. – Просто иногда почитываю интересные книжонки.

– Тебе я тоже советую поскорее выбираться из постели, – требовательно заявил я. – Моя комната – не дом свиданий. В любой момент могут нагрянуть гости. Видела плакат на вахте?

– Какой? – удивилась Светка, с нежеланием вставая с кровати.

– Посторонним проход воспрещён! – соврал я, потому что такого плаката не существовало. А произнёс я эти слова для того, чтобы направить разговор в нужное русло и поскорее распрощаться с куртизанкой Курбатовой. И моя уловка сработала.

– Тут ты, Юрочка, не прав. Теперь я для тебя не посторонний человек, – заявила моя гостья, смакуя, как мне показалось, каждое своё слово.

– И кто же ты теперь?

– Теперь я без пяти минут твоя жена.

– Ты это серьёзно? – рассмеялся я, делая вид, что принял её слова за шутку.

– Вполне. Я, Юрочка, беременна от тебя, – Светка буровила меня наглым вызывающим взглядом. – Ты в ту ночь очень старался, чтобы зарядить меня.

Я не выпучил глаза от удивления и не выкрикнул возмутительное «что?!», чего, вероятно, ожидала увидеть и услы-

шать бестия от меня.

– Как-то очень быстро наступила твоя беременность, – без каких-либо эмоций сказал я. – Мне кажется довольно странным такое событие.

– Ничего странного в этом нет. У меня должны были начаться месячные через несколько дней после нашей встречи, но – увы, они не порадовали меня своими красками.

– И что?

– Как что? Пошла в консультацию, получила радостное известие, – Светка стояла перед зеркалом уже полностью одетая и поправляла причёску. В зеркале я увидел, как тревожно бегают её хитрые бесстыжие зенки.

– Твоё предложение? – спросил я, создавая впечатление, что не собираюсь оспаривать правдивость её заявления.

Я стоял за спиной Курбатовой и видел, с какой радостью блеснули её глаза. Она тут же повернулась ко мне и с приторной наивностью проговорила:

– Предлагаю тебе жениться на мне.

– Опаньки! Вот это поворот событий! – развеселился я. – А если я не согласен? Тогда что? Заявишь, что я тебя изнасиловал и отправишь за решётку? Или подключишь своих родителей, чтобы выбить из меня согласие? Тебе самой-то не ай-я-яй?

Светка не ожидала от меня такой реакции и замерла, открыв рот. Потом, вероятно, поразмыслив, резко изменила свою тактику.

– Я понимаю, Юрочка: мои слова – что удар кувалдой по твоей голове. Но так уж случилось и ничего теперь не изменить. Надо воспринять всё, как есть.

– Так уж и нельзя ничего изменить? – спросил я и заходил по комнате, изображая сильную озабоченность. – А аборт? Почему ты исключаяешь такой вариант? Я считаю, что рожать нужно после окончания института, а сейчас совсем неподходящий момент.

– После первого аборта, Юрочка, шансов, чтобы стать матерью, не остаётся, – печальным голосом сообщила Светка. – А я хочу быть матерью, иметь детей, понимаешь?

Она села на кровать и легко выдавила из себя слезы.

– И мужа хочу – сильного, волевого и заботливого, – добавила Светка. – Как ты.

Мне стал надоедать этот примитивный и ненужный спектакль, и я решительно сказал:

– Всё, довольно бредней! Теперь послушай меня, сказочница!

От неожиданности Светка вздрогнула и вылупилась на меня, не моргая. Казалось, ещё пару секунд, её глаза увеличатся в объёме и выпадут из глазниц. Она не могла сообразить, о чём пойдёт речь.

– Мужем твоим мне быть не суждено, поскольку любви к тебе я не испытываю и, главное, не являюсь источником твоей беременности.

– Юрочка, милый! – оборвала меня Светка. – Я вовсе не

требую твоей любви! Мне достаточно тех чувств, которые испытываю я! Ты только не отрекайся от своего ребёнка! Он твой, Юрочка! Это будет наш с тобой ребёнок!

– Истинная правда, что наглость – второе счастье, но твой цинизм, Светлана Владимировна, не имеет границ, – сказал я, рассмеявшись ей в лицо.

– О чём это ты, Юрочка? Я не понимаю тебя!

– Всё ты понимаешь, хитрая плутовка. Но для полной ясности я могу рассказать тебе забавную историю из жизни одной светской дамы по фамилии Курбатова. Желаеть выслушать?

Я взял стул, развернул его и сел напротив Светки. Перепуганная авантюристка молчала и пялилась на меня во все глаза. Она не могла поверить, что её хитроумный план окольцовки мужика, который вышел на завершающую стадию, вдруг рухнет в ближайшие минуты.

– Молчание – знак согласия, – усмехнулся я самодовольно. – Тогда извольте послушать, мадам. История эта начинается с того момента, когда профессиональная проститутка Курбатова Светлана Владимировна оказала сексуальную услугу некоему Карамазову Родиону Георгиевичу – вору и мошеннику в одном лице.

Светка побледнела и напряглась при упоминании фамилии бывшего любовника.

– Кто тебе поведал такую чушь? – спросила она дрогнувшим голосом, надеясь в душе, что мне не известны подроб-

ные детали этой истории.

– Из материалов уголовного дела, заведённого следственными органами на преступные действия упомянутого выше лица, – сочинил я на ходу витиеватый ответ. – Вы готовы слушать дальше?

Куртизанка обмякла, наклонилась, обхватив голову руками. Я понимал, что выбрал не самый лучший способ уличения плутовки во лжи. Можно было без лишних слов извлечь из портфеля копию медицинской записи о её беременности, положить её перед Светкой, ткнув пальцем на дату. Потом, опять же без слов, достать из шкафа одежду, вложить её в руки Курбатовой и вежливо выпроводить за дверь.

Но такой вариант меня не устраивал. Это было бы равнозначно тому, что погрозить пальцем или показать кулак человеку за неблагоприятный поступок. Так можно поступить с совестливым человеком, который совершил его по нелепой случайности. Курбатова же преднамеренно построила свой коварный план и должна понести наказание. Она могла сломать жизнь моему другу, и, вполне возможно, даже мне самому, сложившись обстоятельства несколько иначе. За такое деяние расплата должна быть весомой и чувствительной. У меня не было в мыслях причинять ей физическую боль, поскольку считал такое побуждение в отношении женщины изменным. Я перестал бы себя уважать после этого. А вот поглумиться над ней, как над врагом, вгоняя в страх и истерику, мне захотелось нестерпимо. Я мечтал увидеть на лице

злодейки внутреннее содрогание и раскаяние. А ещё лучше – услышать из её уст прощение.

И меня понесло. Я упивался своим положением.

– Но одной встречей проститутка не ограничилась. Она поняла, что перед ней неиссякаемый источник материальных благ и вцепилась в наивную жертву мёртвой хаткой. Импортное барахло и дефицитные продукты потекли к ней рекой совсем даром, не считая сдачи в аренду сокровища между ног. Но однажды произошёл сбой – наша хищница неожиданно забеременела вопреки приговору врачей, вынесенному ей в пятнадцать лет.

Я выдержал паузу, ожидая реакции Курбатовой. Но та продолжала сидеть в прежней позе и не проявляла признаков протеста.

«Не пронял её мой рассказ», – подумал я и продолжил.

– Терять ребёнка ей не хотелось, но и торговый мошенник на роль отца не годился. Он женат, у него двое несовершеннолетних детей и, в добавок к этому, вор может в любой момент оказаться в тюрьме.

Оставлять в покое Карамазова авантюристка не собиралась. Она потребовала от него отступные – однокомнатную квартиру в кооперативном доме, одновременно подыскивая лоха на роль отца.

Таким лохом должен был стать мой друг – Николай Горев. План был прост. Отдаться Колянцу и родить ему ребёнка, как семимесячного, ведь срок настоящей беременности уже око-

ло двух месяцев. Ничего. такое бывает часто. Новоявленный отец ни за что бы не догадался – благодаря влиятельной маме можно заполучить любой подтверждающий документ.

Но куртизанке не повезло во второй раз. Крепкий молодой парень оказался бесплодным от рождения...

Я не успел продолжить, как Светка сбросила руки с головы, стала медленно приподниматься со стула, глаза её гневно сверкали.

Меня вовсе не прельщало, чтобы она вцепилась в мою шелюру, и я попятился вместе со стулом.

– Ты знал обо мне с самого начала и прикидывался всё это время шлангом?! – прокричала ожившая вдруг Светка. – Даже когда ложился со мной в постель во второй раз?! Как тебе не стыдно?!

У меня отвисла челюсть от наглости Курбатовой и показалось, что я лишился дара речи. Прожженная проститутка стыдит меня! Невероятно! Чувствуя нутром, что финальная часть расставания ещё не наступила, я спрыгнул со стула и отступил в сторону. И сделал это своевременно.

– Сволочь! Я тебя ненавижу!! – изрыгнула в меня Светка весь свой гнев и в одну секунду схватила со стола острый кухонный нож. – Убью, подлец! Ты умоешься кровью, скотина!

Обезумевшая женщина стремительно двинулась на меня с ножом. Вид её был угрожающим. Для меня не составляло проблемы выбить нож из рук Светки, но пришлось бы провести болевой приём. Я не собирался наносить травму без-

защитной женщине. Не хватало ещё мне вывихнутого сустава или сломанной кисти.

Я медленно двинулся задом вокруг стола, выжидая удобный момент для безболезненного обезоруживания.

– Светка, брось нож, не балуй, – попросил я спокойным голосом. – Иначе вынужден буду отнять его у тебя. Учти: будет больно, я могу сломать тебе руку. Не дури. Слышишь?

Мои слова прошли мимо её ушей. Она шла на меня, как зомби.

– Ну, что ж, не хочешь по-хорошему – будет по-плохому, – сказал я со злостью и уже в следующую секунду выполнил захват руки и вывернул кисть. Нож упал на пол, а Светка запоздало вскрикнула и улеглась грудью на стол.

– Чтоб ты сдох, изверг, – глухо простонала она, скривившись от боли и заплакала навзрыд.

– Я тебя предупреждал, – произнёс я в своё оправдание. Затем взял её под руку, провёл к кровати и усадил. Плечи Светки содрогались от рыданий. Она выглядела несчастной и беззащитной. Мне стало жалко её.

Я заходил по комнате, переваривая в голове сложившуюся ситуацию. Я вновь добился своей цели, но вместо ожидаемого удовлетворения почему-то почувствовал неловкость перед этой загнанной в тупик женщиной, хотя ещё недавно упивался своим превосходством над ней.

«По большому счёту, Светка не совершила против меня никаких сокрушительных действий, – начал рассуждать я. –

Ну не повезло бабе в постели с мужиком – залетела по глупости. Естественно, ей захотелось выправить положение, надежды будущего ребёнка отцом, создать, по возможности, благополучную семью – что здесь такого? Нормальная женская логика, заветная мечта любой бабы. Ничего криминального. Она никого не убила, не обворовала, не оклеветала, почему мне вдруг захотелось ей жестоко отомстить? Что со мной происходит? Неужели я стал женоненавистником?»

Я рассуждал бы и далее, ковыряясь в причинах своего поступка, но Светка внезапно встала с кровати и подошла ко мне, впившись немигающим взглядом. Затем упала на колени, обхватила мои ноги мёртвой хваткой и натурально запричитала:

– Юрочка, милый, ну прости ты меня глупую! У меня не было цели причинять кому-либо зла. Всё произошло спонтанно, на одном дыхании после того, как я узнала, что беременна. А в отношении тебя я говорю истинную правду: я действительно влюбилась в тебя с первого взгляда, поверь. До встречи с тобой я натворила много гадостей, о чём сильно сожалею и теперь раскаиваюсь. Прошу тебя, не бросай меня. Я ничего не требую взамен. Наоборот, я подарю тебе однокомнатную квартиру, если ты формально женишься на мне, и мы проживём с тобой совместно хотя бы несколько месяцев. Потом ты можешь быть свободен, я дам тебе развод. Могу подтвердить свои слова письменно, прямо сейчас.

– Зачем тебе эта фальшь? – спросил я, прервав Светкин

монолог. – И встань с колен, пожалуйста.

Светка повиновалась, поднялась на ноги и присела на стул. Я устроился напротив, подсунув стул под себя спинкой вперёд и сложив на неё локти. Нож поднял с пола и положил, на всякий случай, на подоконник.

– Фальшь, говоришь? – Светка на миг отвела взгляд в окно, утирая слёзы, затем медленно повернулась ко мне. – Пусть будет фальшь. Мне всё равно. В моей ситуации, это единственный вариант решить все проблемы разом.

– У тебя их вагон и маленькая тележка? – спросил я с иронией.

– Скорее, тяжеловесный поезд без локомотива, – усмехнулась Светка сквозь слёзы, успокаиваясь.

Я не тянул из неё подробностей, хотя мне было интересно их услышать, поскольку в решении всех проблем мне отводилась главная роль. Сидел и ждал, когда Светка заговорит сама без моих понуканий.

– Вот скажи мне: кто твои родители? – неожиданно спросила меня Светка.

– В смысле?

– Рабочие, крестьяне, интеллигенты, кто?

– Рабочие, – ответил я, не понимая сути вопроса.

– Коммунисты?

– Нет, беспартийные.

– Неужели верующие?

– Тоже нет.

– Тогда тебе повезло с родителями. А мои – оба коммунисты, причём фанатично преданные делу партии, – Светка скривилась, будто во рту оказалась большая долька лимона. – Меня с самого рождения воспитывали в рамках коммунистических принципов и морали. Только и слышала от них. Это нельзя, то нельзя, что подумают люди о моём поступке и прочее. В общем, весь мой жизненный путь был ограничен колеёй с двумя понятиями: морально и антиморально. Жизнь превращалась в пытку, когда вокруг тебя столько заманчивых соблазнов, которые доступны остальным детям.

– Можешь не продолжать, мне всё понятно, – прервал я Светку.

– Что тебе понятно? – спросила она, настроенная изложить мне сложившиеся отношения с родителями и разжалобить меня. Она продолжала надеяться, что сможет убедить меня стать её мужем.

– Всё понятно. Ты опасаясь, что твоя мать, узнав о беременности, начнет поиски владельца таинственного зарядного устройства и узнает о двойной жизни своей дочери, – высказал я свою догадку.

– Да, известие о том, чем я занималась, станет большим ударом для неё.

«Занималась, – отметил я про себя. – Не занимаюсь, а именно, занималась. Сказано это неспроста. Ушлая жертва хочет убедить меня, что с прошлым у неё покончено навсегда.

– Потом, эта спекуляция дефицитом... – Светка опять устала в окно, взгляд её был унылым. – Моя маман не остановится ни перед чем, будет рогом рыть землю, пока не разберёт мою жизнь по молекулам.

– А если я соглашусь стать твоим мужем – всё пройдёт безболезненно? – спросил я.

Светка услышала в моём вопросе то, что ей хотелось услышать – согласие на сделку. Лицо её просияло, в глазах появился радостный блеск, она затараторила:

– Конечно! Родителям и в голову не придёт, что брак наш фиктивный! Не будет никаких расследований! Всё пройдёт на высшем уровне! Маман закатит такую свадьбу, что ты просто ахнешь! А свадебным подарком будет «Волга». Клянусь! Она будет твоей, Юрочка. Ты станешь богатым.

Я не стал останавливать Светку и дал ей высказаться сполна. Чего только я не услышал в её увещеваниях! Просто райская жизнь и головокружительная карьера ожидают меня, если я соглашусь быть её мужем на постоянной основе.

Наконец, Светка закончила сказку о семейном Эдеме и спросила:

– Ты согласен?

– Нет, – ответил я, не раздумывая.

– Почему?

– Я не продаюсь и никогда не беру на себя чужие грехи.

– Это твоё последнее слово?

– Ты не судья, а я не подсудимый, чтобы произносить по-

следнее слово перед тобой. Для меня честь и достоинство – превыше всего. Вот тебе мой ответ.

Низко опустив голову, Светка молча проследовала к шкафу, я подал ей шубу и шапку.

– А я надеялась, что ты меня пожалеешь, – сказала она с горечью уже в дверях и зашагала по длинному коридору, не оглянувшись ни разу. Стук каблуков красивых импортных сапог гулким эхом отдавался в моих ушах.

«Зачем я с ней так поступил? – подумал я, вернувшись в комнату. – Для чего разыграл эту дурацкую комедию?»

Я долго стоял у окна и не находил ответа...